

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ГЕРАСИМА БОЛДИНСКОГО

Издано трудами настоятеля Болдина монастыря
архимандрита Андрея в 1893 году

Переиздано трудами настоятеля
Свято-Троицкого Болдина монастыря
архимандрита Антония в 2002 году

Трапезный Введенский храм,
где покоятся мощи преподобного Герасима

*На первой странице обложки -
икона преподобного Герасима XVII века*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ни одна сторона нашего обширного Отечества не страдала так часто и так сильно от нападения врагов, как нынешняя Смоленская губерния. На заре нашей истории она была рубежом между Русью и Литвой и, при столкновениях между ними, первая принимала на себя удары врагов. В 1396 году по Р. Х. Смоленская земля с ее православным русским населением была завоевана Литвой и вошла в состав Литовского княжества. С этого времени открылась особенно упорная и продолжительная борьба из-за Смоленска и смежных городов у русских князей с литовскими. Одни стремились во что бы то ни стало вернуть свою коренную землю, а другие удержать ее за собой. Это было причиной горячих по тому времени столкновений Руси с Литвой под Мстиславлем, Вязьмой, Дорогобужем и другими окольными городами. Многие из холмов и курганов по пути от Смоленска на восток и запад являются могильными памятниками, под которыми тлеют кости русских и литвян, нашедших смерть в этих сражениях. Борьба за Смоленскую область стихла и то лишь на время: в 1522 году, когда было заключено перемирие, оставившее Смоленск во владении великих князей московских. Едва настало затишье после страшных воинских бурь, едва смолкли бранные клики и земля просохла от крови, как Господь послал избранника своего устроить в Смоленской области пристань мира и безмятежия. В 1528 году смиренный инок, по имени Герасим, жаждавший тихой уединенной молитвы, поселился в диком лесистом месте

недалеко от Дорогобужа возле Московской дороги и начал свои подвиги. Через два года по прибытии он подвинулся далее от Дорогобужа, облюбовал себе убежище и устроил свое бедное жилище. Молва о его подвигах и праведной жизни скоро вызвала удивление у всех и собрала около него людей, желавших вместе с ним и под его руководством идти по пути спасения. Образовалось иноческое братство, были построены кельи и часовня и стали совершаться, по заповеди апостола, молитвы, моления, прошения, благодарения за всяческие члены (1 Тим. 11, 1). Так волею Божией на поле брань Руши с Литвой возник приют мира и молитвы: где слышались враждебные клики сражавшихся, раздались священные песнопения; где поднимался оружейный дым, пошло к небу курение кадила. И не один русский, идя на врагов, получал молитвенную помощь от подвижников обители, не одно сердце возбуждалось этой помощью к защите веры и Отечества. Если бы занести на страницы истории те мысли и чувства, которые возбуждались в русских людях при виде обители, как назидательны были бы эти страницы! Они сказали бы нам, что эта обитель много послужила делу мира и объединения нашей родины.

Новоустроенная обитель, получившая название Болдиной, призвана была оказать особенно важные услуги Смоленской области. Через каких-нибудь 70 лет по основании Болдиной обители пришлось испытать тяжелые удары, направленные поляками против многострадальной области. В скорбные времена «ляхолетья» обитель пр. Герасима вместе с соседними церквами и монастырями

была поругана и ограблена своевольной и развратной шляхтой, осаждавшей Смоленск. Униженная и разоренная, она, по взятии поляками Смоленска в 1611 году, была причислена к польским владениям и отдана в полное распоряжение иезуитам. Эти завзятые враги православной церкви пустили в ход все, чтобы довести Болдинский монастырь до крайней степени падения, и труды их не остались втуне. Хотя при царе Алексее Михайловиче обитель и была возвращена России, но долго не могла оправиться от погрома, нанесенного смутным временем и господством иезуитов. Наконец, в недавнее время, в памятную Руси годину разорения, обитель пр. Герасима снова испила горькую чашу страданий от французов, направлявшихся к сердцу России Москве. Несмотря на эти несчастья и невзгоды, пережитые св. обителю, она и доселе сохранилась на память и вразумление истинным чадам Христовой веры. Она напоминает собою исповедников Христовой церкви, которых тираны присуждали к казням и мукам, не зная того, что кровь страдальцев была для верующих благодатным обетованием и залогом новой лучшей жизни. И кто знает, быть может пламя войны еще не раз коснется священных стен Болдиной обители, но она выдержит все напоры враждебных сил и не только сама сохранится невредимой, но всегда будет возбуждать и поддерживать падающих, тружающихся и обремененных. И сбудутся над ней слова Богоизбранца Давида: «Я был молод и состарился и не видел праведника оставленным и потомков его просияющими хлеба» (Пс. 36, 25). Хотя Господь Бог видимо хранил наследие пр. Герасима, однако указанные

бедствия не прошли бесследно для обители, как проходят над засеянными полями легкие тучки, не орошая, но и не повреждая их. Напротив, с нею было то, что часто случается на поле брани: воин получает тяжелые раны в пылу битвы за родину и падает в изнеможении, не имея сил поднять руку для своей защиты. В это время его враг, как коршун, налетает на него и, пользуясь бессилием пораженного, уносит его оружие, трудовые деньги, одежду и вместе с ней письма, подарки дорогих людей, словом все ценное и святое для раненого. Когда обитель пр. Герасима на время теряла силы и не могла защищаться от вражеских ударов, ее сокровища подвергались хищению, а святыни поруганию. Ее храмы разграблялись и разорялись, богослужебные одежды и церковная утварь расхищались, монастырская казна уносилась, документы и бумаги уничтожались. Поэтому-то в архиве монастыря нет царских грамот на владение землями и угодьями, нет записей о многих пожертвователях благочестивых христолюбцев, нет и других документов, важных для обители. Самое же главное - нет достоверных письменных сведений или заметок о жизни пр. Герасима, его трудах по устроению обители, положении и правах монастыря при нем и т.п. Благодаря этому среди братии, жившей в Болдиной обители, мало-помалу утвердилась мысль, что и совсем нет никаких письменных сведений о жизни, преставлении и чудесах пр. Герасима. Чем живее была эта мысль, тем сильнее старалась братия сохранять в своей среде и сообщать на сторону устное предание о жизни и подвигах Преподобного. Путем такого предания, переходившего из рода в род, от седого старца к юному

послушнику, подвижникам Болдиной обители были известны важнейшие черты из жизни св. Герасима. Но эти сведения были отрывочны, неполны, неопределенны, а самое главное, они могли быть достоянием сравнительно небольшого круга лиц, желавших назидаться примером жизни Преподобного. Для многочисленных почитателей его в высшей степени желательно было иметь полное и обстоятельное житие. И такое сказание о нем самым неожиданным образом появилось на радость и утешение как братии Болдиной обители, так и другим почитателям пр. Герасима. Где всего естественнее и прямее было искать полного жизнеописания св. основателя Болдина монастыря, как не в стенах последнего? Кому всего важнее и интереснее было сохранять письменные сведения о жизни и деятельности Преподобного, как не его ученикам, подвижникам Болдиной обители? Взять для примера любую семью: не ей ли всего известнее жизнь и характер лица, от которого она ведет свое происхождение? И если преданья этой семьи записывались, где всего естественнее и понятнее храниться им, как не у ее потомков, хотя бы и очень отдаленных от главного корня? Так было и с жизнеописанием Преподобного, которое, будучи составлено в стенах Болдиной обители, долго хранилось в ней и не в одном списке, но в бурные времена, пережитые обителью, пропало или нарочно уничтожено врагами нашей церкви иезуитами. И однако промыслу Божию чудным образом угодно было сохранить житие Преподобного там, где, по-видимому, оно могло быть всего меньше, вдали от основанной им обители. В 1890 году Болдину монастырю удалось приобрести точные копии с

двух рукописей, повествующих о жизни, преставлении и чудесах его основателя. Одна из них хранится в Императорской публичной библиотеке в Петербурге под № 711, а другая в Московской Румянцевской библиотеке в сборнике Ундельского под литерой «Д». Первая принадлежит перу ученика прп. Герасима Антония, бывшего игуменом Болдиной обители с 1569 года до 11 октября 1585 года, когда он был посвящен во епископа Вологодского. Всего вернее, что перед отправлением на епископство Антоний, по просьбе братии Болдиной обители, и написал житие Преподобного, которого знал лично. А может быть, оно написано еще в то время, когда Антоний не был возведен в звание игумена и состоял в числе братства Болдиной обители. Как бы то ни было, житие, составленное Антонием, явилось на свет не позже 30 лет по преставлении Преподобного, когда были живы весьма многие из 127 человек, составлявших братию Болдиной обители в год кончины ее основателя. Составитель, помимо близкого знакомства с жизнью Преподобного, не мог внести в житие ничего неправдоподобного, лишнего, неверного уже потому, что его слова поверялись множеством свидетелей, хорошо знавших деяния своего учителя. Житие преподобного Герасима, написанное Антонием, отличается поэтому всеми признаками достоверности. От него так и веет спокойствием, беспристрастием и сознанием великого долга говорить одну чистую, беспримесную истину. Другое житие определенно говорит о времени его написания; в конце его приписано: «сие житие преподобного Герасима писал Гришка Жюков в 7194 году от сотворения мира или в

1685 году от Рождества Христова». В этой рукописи, написанной в подлиннике полууставом, не сообщается о жизни Преподобного в сущности ничего нового; его составитель заботился главным образом о том, чтобы красноречивее, цветистее и пышнее изобразить сказанное вкратце у Антония. Но в ней рассказаны чудеса, не упомянутые у Антония и совершившиеся, очевидно, после его смерти, которым, по всей вероятности, велась запись в монастыре, как это делается и ныне. Рассказами о чудесах, совершившихся при мощах Преподобного в XVI и XVII веках, Жюков превосходно дополняет житие Антония, так что в обоих рукописях можно видеть две части одного целого. Жизнеописания Антония и Жюкова представляют из себя как бы один свиток, который десница Божия разделила на две половины и первую положила на хранение в новейшей, а вторую в древней столице России. Зная от века, что обитель испытает много горя, что сказание о жизни Преподобного может легко затеряться, если останется лишь в стенах Болдина монастыря, Господь полагает на хранение жития верного раба своего в обоих столицах земли Русской. Так поступают и мудрые домоправители, которые оставляют завещание в двух списках, чтобы непременно уцелел один, если случайно пропадет другой. Поэтому при настоящем издании за основание взято житие, составленное Антонием, к нему по временам делаются добавления из жития Жюкова. В выносках цифры I, 2, напр., означают по (первому) житию Антония глава вторая, II, 4 - по (второму) житию Жюкова гл. 4. В этом чудесном сохранении двух жизнеописаний

преподобного Герасима вдали от места его подвигов, несмотря на все бури, испытанные обителью, нельзя не видеть прямого подтверждения неложных слов Св. Писания: в память вечную будет праведник, от слуха зла не убоится (Пс. III, 6-7). Эти слова оправдаются еще больше, если каждый читатель жития поглубже запечатлеет в сердце образ Преподобного, проникнется его мыслями и чувствами и будет сообразовываться в своей жизни с его заветами и заповедями. Пусть же житие св. Герасима сохраняется в вечную память о нем не на бумаге только, а в душах и умах тех людей, которые прочтут его!

**Рождение и воспитание пр. Герасима,
его пострижение и подвиги под руководством
пр. Даниила, Переяславского чудотворца**

Пр. Герасим, Болдинский чудотворец, родился в 1489 году в Переяславле Залесском, небольшом городке теперешней Владимирской губернии. Отец его Михаил и мать Мария, по замечанию жизнеописателя, «были праведны перед Богом и людьми и добродетельной жизнью богообоязненно украшены» (II,-2). Чистая жизнь родителей положила в душу младенца, названного во св. крещении Григорием, первые семена истины, непорочности и добродетели. Попав в живую восприимчивую душу ребенка, орошаемые благодатью Св. Духа, эти семена не замедлили дать чудные всходы. С самых ранних лет отрок Григорий стал проявлять особые привычки, которые делали его непохожим на других детей. Капризы, своенравие,

своеволие, столь обыкновенные в раннем возрасте, были совсем чужды Григорию; шутки и забавы, игры и шалости сверстников не занимали его. Он любил оставаться один и погружаться в свою душу, обдумывая и обсуждая то, что делалось кругом его. Углубляясь мыслью во все окружающее, он больше и больше прилеплялся своим разумом к Той великой и непостижимой Силе, которой движется существующее. Он искал своим детским умом, где живет эта Сила, как Она управляет всем; как каждый предмет зависит от Нее. Эти вопросы волновали и возбуждали пытливую душу Григория и неотступно требовали ответа. Посещая храм вместе со своими боголюбивыми родителями, он находил для себя в нем много утех и радости: здесь, думал он, живет и отсюда действует Та Великая Сила, которая все держит и все направляет. Поэтому его влекло в церковь и каждодневное посещение ее стало любимым его занятием. Слушая чтение Слова Божия, внимая пению псалмов, глядя на мерцание лампад и свечей, взирая на иконы и изображенных на них угодников, отрок Григорий чувствовал, что его мысль, его ум уносятся туда вверх, в беспредельное голубое небо. Там, вверху, в ином мире, не похожем на здешний, живет Бог, окруженный святыми ангелами, которые день и ночь воспевают: свят, свят, свят Господь Саваоф, исполни небо и землю Славой Твоей. И этот небесный горний мир привлекал к себе все внимание Григория; в нем было так много величия и таинственной, непонятной прелести. В церковном воздухе, при блеске свеч и лампад, вблизи святых угодников, душа отрока

исполнялась страхом, но каким-то особым, не похожим на обычновенный страх. От страха, который проникал в душу Григория во время богослужения, не было тяжко на сердце, а светло, тепло и радостно. Этот страх соединялся с надеждой, что стоит исправить и очистить жизнь и на сердце будет так легко, как если бы тяжелое бремя спало с него. Мало-помалу страх перешел в умиление пред невидимым Всемогущим Богом, Который все видит, везде присутствует, от Которого не скрыто ни одно тайное движение сердца. К умилению присоединилось новое чувство благоговения перед Всемилостивым и Любвеобильным Отцом всех людей – Богом, Который, пребывая на небесах, готов каждую минуту откликнуться на призыв грешной души. Так церковь с ее молитвами, обрядами, таинствами влила в Григория силы, которых не заметить у обычновенных людей, согревала его всю жизнь и указывала путь к небу. Усердно посещая храм Божий, он выносил из него такие впечатления, от которых на душе становилось покойно, легко и согласно. После этого мира и покоя, невзгоды и неудачи, столь частые в заурядной будничной жизни, не могли встревожить и огорчить Григория. Мало-помалу он так свыкся с церковью, что жизнь вне храма, в доме родителей, перестала быть для него привлекательной. Он стал чувствовать себя дома не тогда, когда вместе с отцом и матерью садился за трапезу, а когда прислушивался к мертвому чтению кафизм и возгласам священнослужителей. Церковная служба стала для него пищей и питьем, без нее он также не мог жить, как птица без воздуха и рыба без воды.

Полюбив всей душой церковное богослужение, он стремился туда, где оно отправлялось с наибольшим чувством и умилением, где оно было продолжительнее и благолепнее. В Переяславле находился и теперь находится Горицкий во имя Пр. Богородицы монастырь, который отличался величием богослужения и строгой жизнью монашествующих. Сюда-то и стал приходить Григорий для молитвы, пользуясь всякой свободной минутой. Долгое монастырское служение со старинными заунывными напевами сильно трогало его, настраивало его мысли и чувства на особый торжественный и вместе грустный тон. В его сердце проникала та благодатная по Бозе печаль, которая, по слову ев. апостола, производит неизменное покаяние ко спасению (2 Кор. 7, 10). Чаще и чаще посещая монастырь, больше и больше привыкая к нему, блаженный Григорий вместе с тем привязывался и к инокам, подвижникам обители. Среди них отличался своей строгой и праведной жизнью Даниил, производивший на всех богомольцев монастыря сильное впечатление. Каждый посетитель обители считал своим прямым долгом зайти в келью старца Даниила и получить от него благословение.

Вместе с другими и Григорий часто бывал у великого старца, чтобы попросить благословения или побеседовать о спасительных истинах веры. Пр. Даниил оказывал на Григория неотразимое влияние: после каждой беседы чуткая душа его сильнее и сильнее привязывалась к старцу-подвижнику. Наконец, не бывая в Горицком монастыре, не видеть великого старца и других подвижников стало великим огорчением для Григория. «И полюбил Даниилов

монастырь, - говорит жизнеописатель Преподобного,- больше дома родителей своих, и старца Даниила полюбил больше всех и прочих старцев полюбил больше родственников своих». (I, 1). Так жизнь Григория как бы распалась на две жизни: одной он жил в монастыре, другой в мире; одна была тиха, мирна, другая полна огорчений и неприятностей. В монастыре все напоминало о Боге, смерти и грядущем за ней блаженстве, в мире многое отвлекало от веры и благочестия. Там был свет и теплота, здесь мрак и холод, там духовное торжество и радость, здесь неприятности и огорчения. Там тишина, согласие и мир, здесь шум, распри и раздоры. Благочестивая душа Григория не могла долго колебаться, какой род жизни избрать и какой оставить, переселиться навсегда в обитель и жить, или остаться в мире и прозябать подобно траве без влаги и тепла. И вот в 13 лет он решается оставить мир на веки и жить для Бога. «Пришел Григорий, - говорит жизнеописатель, - и припал к ногам святого старца Даниила и начал молить его со слезами, чтобы постриг его в иноческий образ. Преподобный же старец возражал ему, говоря: «Сын мой, не слишком ли ты юн, чтобы смог понести труды иноческой жизни? Потому что много терпения требуется от человека в иноческом образе». Григорий же, моля старца, от ног его не вставая, орошая землю слезами, говорил: «Отче святой, не отвергни меня грешного от твоей святыни. Молитвами твоими надежду имею все полезное сотворить, только не отлучи меня от твоей святыни» (I, 1). Богомудрый старец провидел, что юноша, со слезами и на коленях умоляющий его о принятии

в иноческий сан, будет великим подвижником и прославит святую церковь. Он постриг Григория в монашество и нарек ему имя Герасим, причем взял новопостриженного под свое руководство в духе веры и церковных преданий. Герасим со всем жаром, к какому была способна его великая душа, отдался новой для него жизни в монашестве. Он исполнял все монастырские послушания, какие только возлагались на него для пользы и нужд обители. Около этого времени его духовный отец и учитель пр. Даниил основывал в версте с половиной от Переяславля свой особый Троицкий монастырь, который впоследствии получил название Даниилова. Монастырь строился на «божедомье», т. е. на месте, где была богадельня, призревавшая увечных, слепых, хромых, не способных к работе, и должен был взять на себя заботу об этих несчастных. Уходу за ними и были посвящены труды новопостриженного инока Герасима. Он рубил дрова, молол муку на ручных жерновах, помогал в печении хлебов, готовил одежду и проч. Самое же главное его послушание состояло в изготовлении обуви для «божедомных людей», почему среди братии Горицкого монастыря он и назывался «кожешвец» (сапожник). Помимо необыкновенного трудолюбия и готовности во всякое время дня и ночи сделать нужное для каждого, Герасим отличался редким добронравием, кротостью и мягкостью. Ни одно резкое или грубое слово не выходило из его уст. Он не мог сделать ничего, что бы обидело или раздражило ближнего. Благодаря этим качествам он приобрел любовь всех живших вместе с ним в обители, особенно же самого старца Даниила. Последний старался подкреплять его

своими советами и наставлениями и нередко возносил горячие молитвы к Богу, чтобы Он благословил весь жизненный путь молодого подвижника. В одной келье с великим старцем пр. Герасим прожил 20 лет, ежедневно и ежечасно видя перед собой пример строгой, чистой и богоугодной жизни подвижника. Вместе с пр. Даниилом он жил в Горицком монастыре, с ним же переселился в Троицкий, куда прибыл на игуменство св. Даниил и взял с собою Герасима, своего помощника по устроению монастыря. Прошедши школу послушания под руководством такого строгого подвижника, как Даниил, пр. Герасим настолько укрепился духовно, что в состоянии был побеждать страшные соблазны мира. Посему пр. Даниил позволил Герасиму жить в особой келье и исполнять заповеди Господни по указаниям Слова Божия и совести, а не по руководству старцев. «И когда жил Герасим в своей келье, начал он труды к трудам прилагать и подвиги к подвигам, в посте и молитве беспрестанной день и ночь без сна пребывая» (I, 1). Удар колокола к заутрени, будивший других от сна, очень часто заставал пр. Герасима бодрствующим и стоящим на молитве и он, от частной молитвы в келье, переходил к молитве общественной в церкви. Чем больше Герасим сживался с монастырем, с его духом, обычаями и уставами, тем слабее становились связи, соединявшие его с миром, но все же эти связи были. Монастырь никогда не порывает сношений с миром; в его стены приходят богомольцы и вместе с ними вести и мысли, волнующие мир; члены монастырской братии по временам сами являются в мире для удовлетворения разных нужд

монастыря и невольно входят в столкновение с мирской жизнью. Так или иначе мутные волны мирской жизни приливают к стенам обители и хоть на самое короткое время, отвлекают от молитвенного настроения людей, укрывшихся за ее стенами. Поэтому у пр. Герасима, хотевшего самой совершенной жизни, явилась мысль уйти в какое-нибудь пустынное место, чтобы там, вдали от мира и его суеты, отдать всю свою жизнь на служение Богу. Там, думалось ему, вдали от всего житейского, среди лишений и опасностей, сердце загорится более сильною любовью к Богу и исполнится самой непоколебимой надеждой на Него. Там, вдали от людей, от их советов и дружеского участия, легче прилепиться всею душою и всеми помыслами к единому мудрому Советнику - Богу. И вот он идет к своему наставнику старцу Даниилу и объясняет ему свое желание уйти в пустынное, безлюдное место, чтобы без всяких помех отдаваться служению Богу. Мудрый старец отклоняет Герасима от его мысли, указывает на опасности, лишения и бедствия пустыножительства, которые могут надломить самую сильную душу. Он советует ему нести труды и подвиги в монастыре, где нет опасностей и особых лишений, где нет основания для ропота и недовольства. Преподобный покоряется голосу старца, с большей силой отдается молитве и посту, но мысль о пустыножительстве по-прежнему не оставляет его. В этом молитвенном приготовлении к пустыножительству прошло еще шесть лет: любовь к уединению за это время достигла у Преподобного сильного напряжения. Ему становится как будто душно в стенах монастыря, где трудно молиться,

чтобы не заметили другие; он хочет молиться в тайне, среди немой неодушевленной природы, в присутствии одного Творца, вдали от всех человеческих взоров. «И начал,- говорит жизнеописатель,- молить старца со слезами, говоря: «Отче, отче! Не презри своего чада, исполни прошение раба твоего, отпусти Бога ради и даруй мне молитвы свои спутешествующие и спребывающие мне во все дни до скончания жизни моей» (I, 1). Видя непреклонное желание своего ученика, зная твердость его характера и тяготение к чистой жизни, богомудрый старец решил не удерживать его более в стенах обители. В последний раз он напоминает ему о трудностях пустыннической жизни, призывает на него благословение Божие и отпускает на новые тяжелые подвиги. «Да будет, сын мой, благословение Божие на тебе,- говорит старец,- и Пречистая Богородица да будет во всем тебе помощницей и заступницей. Мужайся и крепись на ополчение врагов видимых и невидимых. Много будет у тебя искушений от исконного врага рода человеческого и злых людей, желающих нанести тебе тяжелые скорби, но сила их немощна против помощи Божией» (I, 1).

Преподобный Герасим выслушал последний завет дорогого учителя, принял благословение, простился со старцем и братией, с храмами, в которых молился, и оставил обитель на веки. Что найдет он впереди, взамен богомудрого подвижника-учителя и братии, с которыми сросся, как срастаются ветви на одном древесном стволе? К кому прибегнет за советом и утешением, если беды и напасти надломят его силы, поколеблят его душу и сердце? Эти и подобные мысли, как тяжелые камни, давили его грудь

и вызывали на его очи слезы. Только надежда на помощь Божию, как солнечный луч, падающий в глубокое подземелье, освещала сердце Преподобного, объятое скорбью.

Прибытие пр. Герасима в окрестности Дорогобужа и основание Болдиной обители

По уходе из Даниилова монастыря, Преподобный долго искал места для своих святых подвигов. Он побывал во многих пустынных местах, посетил немало глухих дебрей и лесов, пока не пришел в окрестности Дорогобужа 25 марта 1528 года. В то время около Дорогобужа на большом протяжении земля была покрыта густым дремучим лесом, через который шла Московская дорога. Только здесь на этой дороге и можно было видеть присутствие человека, в глухи же леса свободно бродили звери и пресмыкались ядовитые змеи, никого не боясь и не стесняясь. По сторонам дороги были притоны разбойников, которые грабили и убивали путников, вынужденных проходить или проезжать этой безлюдной местностью. Здесь, недалеке от Московской дороги, Преподобный поставил себе «хижину малу» и начал подвижническую жизнь в тишине и безмолвии, удаленный не только от человеческих взглядов, но и от людского жилья. Один, среди глухого леса в своей убогой хижине, ничем не защищенной ни от зверей, ни от злых людей, Преподобный стал испытывать ужас. Его душу начали осаждать разные видения, которые вызываются страхом и являются неизбежными его спутниками. От

тяжести этих видений и призраков мог заколебаться даже такой сильный дух, каков был у Преподобного, если бы его не подкрепляла спасительная сила молитвы. Чем страшнее становилось ему от одиночества, безлюдья, глухи, рева голодных зверей, тем пламеннее он молился Всевышнему и усерднее осенял себя крестным знамением. Надежда на любовь, милосердие и помошь от Бога была его единственным подкреплением. С ним не было ни одной разумной души, никто не пришел бы к нему, если бы он стал звать на помошь, не протянул бы участливо руку, если бы ослабели его собственные силы. Один Бог и Его святая воля были защитой для подвижника, только к Господу Сил он мог взывать о помощи, только Его сильная десница могла отстранить от него ужас и напасти. К этим опасениям и страху не замедлили присоединиться другие бедствия, в которых должна была укрепиться душа Подвижника. По наущению виновника всего злого - дьявола, на отшельника стали нападать разбойники, которые видели в нем человека, бывшего для них живым укором за их нечистую и порочную жизнь. «Однажды,- замечает жизнеописатель,-проходившие мимо свирепые люди, не боящиеся Бога, ругались на Преподобного, зло били и влачили его» (II, 2). Дорогобужский край был рубежом между Польшей и Русью и в нем было немало людей, которые не принадлежали ни тому, ни другому государству. Это были скитальцы, жадные до одной добычи, свирепые, не знавшие законов и не боявшиеся ни суда Божьего, ни суда человеческого. Для таких грубых и жестоких людей было удовольствием мучить отшельника, который своими подвигами громче воинской

трубы возвещал о другой жизни за гробом, о суде и воздаянии, о кротости и смирении. Людям, которые стремились к одним благам этой непостоянной жизни и только ими одними дорожили, была не по нраву святая жизнь Герасима. На Преподобного воздвигали гонение и поселяне, которые жили на окраинах леса. Считая лес своей собственностью, они видели в Преподобном чужака, который, поселившись в их пределах, пожалуй, станет спорить с ними из-за владения землей. Не понимая, что Преподобный, живя на земле, был чужд всему земному, они сочли его своим врагом, своим соперником, способным отнять или уменьшить их права. Чтобы прогнать его с занятого места, они издевались над ним, били его, связывали его веревками и даже покушались утопить его. Но святой все сносил с терпением и без ропота. В этих гонениях, поруганиях и побоях он видел испытания, которые укрепляют веру в Бога, надежду на Его помошь и вселяют охлаждение ко всему земному, греховному. Бешеные волны, обрушиваясь на непоколебимую скалу, не приносят ей вреда, а, наоборот, полируют и шлифуют ее. Так и преследования злых людей нимало не потрясли могучего духа отшельника, а скорее закалили его и сделали твердым подобно алмазу. К гонениям присоединилась страшная нужда из-за безлюдности места и удалению от человеческого жилья.

У подвижника не было самого необходимого: пищи, одежды, обуви, защиты от зверей и непогоды. Обратиться за этим было не к кому, потому что святого встречали враждебно недобрые люди, бродившие и жившие на окраинах леса. Одна надежда была на Всемогущего Бога,

который одевает всякий цветок в поле, питает самых малых птенцов, без воли которого не падет и волос с головы человеческой. К Богу - защитнику всех труждающихся, обремененных, придавленных гнетом обиды и недостатка, и обращается Герасим с горячей молитвой... В тиши уединения, среди безлюдного леса, вдали от шума и борьбы, наполняющих обыденную жизнь, под кровом звездного неба, при виде опасности, молитва Преподобного приобретает особенную силу и мощь. Любвеобильный Отец всех внемлет пламенным мольбам своего верного раба и посыпает ему чудесное избавление от нужды. По особому вдохновению свыше, Преподобный ставит при дороге кузов для сбора милостыни, которая могла бы избавить его от голодной смерти. В свободное от молитвы время, он сам садился при пути, чтобы обращаться с просьбами о подаянии к мимо ходящим людям. И многие из проходивших по дороге через лес клали в тот кузов хлеб, деньги, обувь и одежду, словом все, в чем мог нуждаться отшельник. И всякий, кто подавал Преподобному, его молитвами сохранялся от бед и напастей: путь его был мирен и благоустроен, он не попадал в руки разбойников, не встречался с кровожадными зверями и не терпел никакого вреда. Кто же в бессердечии проходил мимо кузова и не давал подвижнику милостыни, неминуемо терпел наказание: или разбойники нападали на него, или погибали лошади, на коих он совершал путь, или он сбивался с дороги и не доеzzжал, куда нужно. Таким образом, при помощи кузовца, поддерживал свою жизнь Преподобный и этот кузовец был единственным его сокровищем: в его убогой хижине не

было решительно ничего. От кузовца питался не один Преподобный, но и многие из странников и убогих, которым приходилось путешествовать вблизи места, избранного Герасимом для подвигов. Всякий, кто имел действительную нужду, спокойно брал из кузовца, что было в нем, и совершал свой путь благополучно. Кто же брал без нужды, по жадности, сбивался со своего пути, не мог отойти от кузовца и блуждал около него до тех пор, пока не догадывался и не клал обратно в кузов того, в чем не имел нужды. После этого открывались глаза путника и он спокойно шел, куда ему следовало. Но не в этом одном выразилась помощь, которую Господь Промыслитель оказывал преподобному Герасиму за время его жизни в глухом Дорогобужском лесу. Преподобный и среди безлюдного леса, населенного одними зверями и птицами, по воле Божьей нашел себе защитника. Вблизи его хижины, на вершине дерева, свил себе гнездо ворон, который, в отсутствие святого, оберегал его жилище. Если зверь, или бродячий человек покушался войти в хижину или приблизиться к ней, ворон поднимал страшный крик и начинал бить крыльями того, кто вздумал бы войти в жилище подвижника. Иногда ворон защищал кузов, поставленный при дороге и так же, как от хижины, отбивал от него нежеланных гостей. Один из окольных жителей, по прозванию Куча, зашедши в глубь леса на охоту и приблизившись к кузову Преподобного, был свидетелем, как храбро ворон защищал имущество св. Герасима. Одновременно с Кучей к кузову подходил с другой стороны голодный медведь; испуганный Куча влез на дерево, чтобы

спастись от зверя. Медведь приблизился к кузову и хотел воспользоваться пищей, которая была там, как вдруг вылетел из ветвей дерева ворон, начал кричать и бить по голове зверя, отгоняя его от пищи инока. Медведь с упорством, несколько раз, подходил к кузову и всякий раз ворон удерживал его, ударяя его по голове своими крыльями и страшным криком приводя зверя в смущение. И зверь должен был уйти от кузова назад в глубь леса, не утолив своего голода.

По прошествии двух лет со времени посёления Преподобного при Московской дороге в Дорогобужском лесу ему было видение, когда он однажды в глубокой ночи совершил свои моления. Преподобный ясно услышал невдалеке от своей хижины в высшей степени приятный и стройный звон как бы множества колоколов, искусно подобранных один к другому. Сначала подвижник не придал значения этому, но когда благовест повторился в следующие две ночи, он задумался, что бы могло значить это явление. Вставши рано утром и осенив себя крестным знамением, Преподобный отправился в ту сторону, откуда в ночной тиши раздавался звон, когда он стоял на молитве. Идя все в одном направлении по лесу, Герасим прибыл на место, поразившее его своей красотой и как бы нарочно приготовленное для поселения среди недоступного и непроходимого леса. Место это представляло из себя довольно большую поляну: на одной стороне её извивалась речка, позднее получившая название Болдины. Середина поляны была гладка, суха, возвышенна, как бы приподнята; от этого возвышения к речке местность спускалась отлогим

скатом. На возвышении рос величественный дуб, разделявшийся вверху на три мощные ветви, до того густой и покрытый листвой, что капли дождя не могли промочить человека, который пожелал бы укрыться под его сенью. Эта поляна с речкой и могучим дубом, окаймленная густым девственным лесом, весьма понравилась отшельнику, и он решил устроиться здесь навсегда***. Створив, по обычаю своему, продолжительную и горячую молитву к Богу, единственной защите в глубине немого леса, Преподобный начал устраивать себе «келейцу малу». Пока строилась его келейца, он наглел гостеприимный приют под кровом дуба, который рос на возвышении, посреди поляны. По мере того, как подвигалась его постройка, все большие и большие огорчения сыпались на одинокую его голову. Окрестные жители, встревоженные тем, что в соседстве с ними селится неизвестный человек, занимает их место и уменьшает их владение, начали делать ему разные «пакости». «И эти злые люди, - говорит жизнеописатель, - видя, как вселяется Преподобный на свое место, возненавидели его больше прежнего, много зла творили ему, хотели изгнать святого,

*** Примечание. Прибитие Преподобного на это место, где и поныне находится Болдин монастырь, относится, как видно из обоих житий, к 1530 году. В 1528 году, сказано в житиях, Преподобный впервые поселился при Московской дороге, ближе к Дорогобужу, где и прожил два года. Через два года он передвинулся и приютился под ветвями дуба, который по настоящему времени находится среди монастыря при особой часовне. Следовательно, принимая поселение св. Герасима на описанном месте за основание монастыря, чуждо признать, что оно совершилось не в 1528 году, как думают вслед за Амеросием и Строевым все исследователи, а два года позже, именно в 1530 году.

называя это место своим и приходили на Преподобного с оружием, одни били его безжалостно, другие хотели его оружием посечь, иные заколоть, иные огнем сжечь, а иные, связав его крепко, влачили по земле, желая утопить в озере, и другое бесчисленное зло творили ему» (I, 3). Более благоразумные из ненавистников Преподобного, не желая совершать над ним суд и расправу своими руками, считали за лучшее обвинить его перед наместником Дорогобужа и добиться, чтобы он удалил Герасима из Дорогобужских пределов. Взяв с собой дары, они принесли жалобу наместнику на подвижника; наместник распорядился, чтобы отправлены были люди привести Герасима. Посланые связали Преподобного и с ругательствами и побоями привели его к наместнику, который без особых разбирательств порешил заключить подвижника в темницу. Преподобный, не стараясь доказать своей невинности перед неправедным судьей, молился Всевышнему Судье - Богу, чтобы Он избавил своего раба от этой новой напасти. И Господь не замедлил ответить на молитвенный вопль подвижника. В то время, как он поруганный и избитый еще стоял в судной избе, к Дорогобужскому наместнику приехал посланник московского царя. Увидев Преподобного, он поклонился ему до земли и попросил его святого благословения, так как неоднократно встречал Герасима в Москве у царя и хорошо знал его. В то время в Москве был царем и великим князем Василий Иоаннович, у которого учитель Преподобного - Даниил Переяславский крестил сына, впоследствии Грозного царя. Между восприемником и Василием Иоанновичем всегда были сношения, и Герасим,

самый любимый ученик Даниила, часто бывал в Москве с разными поручениями от своего учителя к князю. Поэтому Герасима хорошо знали как сам великий князь, так и все его бояре и очень почитали его за его чистую и праведную жизнь. Наместник пришел в ужас при виде того почета, какой воздавал поруганному подвижнику царский посланный и обратился к последнему с просьбой рассказать, кто был Герасим. Когда посланный сообщил наместнику о богоугодной жизни Герасима, неправедный судья пал к ногам святого и молил его о прощении: «Прости меня, Бога ради, за злодеяние, совершенное мною в неведении». Преподобный с кротостью ответил: «Бог да простит тебя, господин, это не твоё дело, но общего врага нашего спасения - диавола, ненавидящего все доброе в человеке» (II, 8). Получив прощение и благословение от Преподобного, наместник позволил ему жить, где он хочет, без всякого страха и опасения от врагов-поселян. Он одарил Преподобного милостыней и издал распоряжение, чтобы окрестные жители никогда и ни в чем не обижали отшельника. В последующее время он часто посыпал Преподобному подаяния, лично посещал его и до самой смерти сохранял к нему благоговение и любовь.

Суд над преподобным у Дорогобужского наместника привел не к унижению, как рассчитывали враги, а к прославлению имени Герасима. Весть о том, как наместник просил прощения у отшельника, как перед ним пал на землю посланный великого князя, как смиренный Герасим известен даже и в Москве своею чистой и святой жизнью, быстро облетела окрестные селения. К Преподобному после того,

как он безбоязненно начал жить на новоизбранном месте, стали отовсюду стекаться люди, просившие его принять их и руководить ими на пути к вечной жизни. Герасим с радостью принимал всех, желавших исправить свою жизнь и послужить Богу, Которого он так пламенно любил. Когда собралось довольно братии, Преподобный, вместе с нею, устроил часовню, поставил необходимое количество «кущей» (шалашей) и начал думать об устройстве храма. Мысль устроить храм он поведал братии, которая ответила ему: «Бог вразумил тебя на это доброе дело, Он да будет тебе помощником, честный отче!» Герасим и живущая с ним братия отправляются в часовню и возносят к Богу горячие мольбы, чтобы исполнилось их заветное желание - иметь храм для служения в нем Богу и совершения таинств.

С посохом в руке и котомкой за плечами, призвав на свой путь благословение Божие, Преподобный отправился пешком в Москву бить челом великому князю о дозволении построить монастырь. Он был милостиво принят великим князем, получил разрешение на устройство обители и ему приказано было отпустить из великокняжеской казны «необходимое на создание монастыря» (П, 3). По прибытии к своей братии, Преподобный вместе с нею немедленно пошел в часовню воздать благодарение Господу, что все устроилось так быстро и легко. Теперь уже ничто не препятствовало понемногу, с помощью Божией, воздвигать обитель: было разрешение от царя, были даны благочестивым царем и средства на строение обители. Створив по обычью молитву и призвав на будущую обитель милость Отца Небесного, иноческое братство, под

руководством Герасима, принялось рубить лес и носить его на плечах к месту построек. Был воздвигнут храм во имя Живоначальной Троицы, придел во имя Преподобного отца нашего Сергия Радонежского Чудотворца и необходимое число келий. Новосделанный храм был освящен 9 мая 1530 года. Весть об устройстве обители в Дорогобужских пределах как молния облетела окрестности и отовсюду стали сходить к Преподобному люди, желавшие вместе с ним служить Единому Истинному Богу. По примеру своего учителя - старца Даниила, Герасим указывал новоприходившим, что жизнь в монастыре новом и неустроенном полна нужды и лишений. «Видите, братья,- говорил Преподобный,- место это пусто, отовсюду скорбно, чего ни помяни - нет, как можете набраться терпения на предстоящие скорби?» (I, 4). Когда и после этих уверщаний новоприбывшие не оставляли мысли трудиться вместе с Преподобным, он принимал их с неизреченной радостью. Так мало-помалу умножалось братство в обители; стала заметна нужда в новых кельях, которые строились из деревьев, нарубленных в окрестном лесу и принесенных в обитель на плечах тружеников-братьев. Спустя немного времени явилась нужда в теплом храме с трапезою, который и был выстроен в память Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Праведный Герасим подавал собою пример всем, кто окружал его: ночь он проводил в слезной молитве, день - в беспрерывных трудах и заботах. Он молол зерно для монастырской хлебопекарни, пек хлеб, на своих плечах носил воду и дрова, варил для братии сочivo, мыл для нее

одежду и готовил обувь. Измученный и усталый от беспрерывных трудов, святой, вместо отдыхновения и сна, становился на молитву. Когда силы совсем изменяли ему, он, стоя или сидя, погружался в тихий, кратковременный сон и потом снова принимался за молитву или труд. Он принимал пищу только раз в день и та состояла из одного хлеба и воды. Постоянный, бескорыстный труд и беспрерывное молитвенное памятование о Боге очистили душу Герасима от слабостей и недостатков, как огонь очищает золото от всякой примеси. Преподобный отличался ангельским незлобием в обращении с братией и богомольцами, явившимися в обитель. В его присутствии делалось легко и приятно самой озлобленной душе, как бы глубоко ни опустилась она в болото греха. От его лика исходил тот невидимый и неуловимый свет, благодаря которому раз узревший Преподобного никогда не мог забыть его. Его кроткое, полное евангельской любви, слово звучало так отрадно, стройно и возвыщенно, что в скорбящей душе постепенно улегались волнения, страсти и нечистые порывы. Как сильный дождь вмиг смывает с дерева пыль, навеянную неделями и месяцами, так лицезрение Преподобного смывало с души каждого всю грязь греха и пороков. И стали в обитель Герасима тянуться один за другим страждущие и обремененные как из бедных хижин народа, так из блестящих палат знати. И никто не уходил от Преподобного без того, чтобы его горе не утешалось, печаль не уменьшалась и сердце не размягчалось. И полились пожертвования в бедную обитель близ речки Болдины, и начала подниматься и развиваться она, как утверждается,

поднимается и зреет росток под влиянием весеннего солнца и живительной влаги.

Святость и богоугодность преподобного Герасима не могли утаиться ни от братии, подвизавшейся вместе с ним, ни от людей, бывших вне монастыря, благодаря чудесам, которые стали совершаться им еще при жизни. Так, скоро по построении обители, неизвестные путники украли двух лошадей, выращенных Преподобным и братией для разных монастырских нужд. Брат, приставленный смотреть за лошадьми, долго искал их и, не нашедши, впал в великое уныние, боясь показаться на глаза преподобному Герасиму нерадивым слугой. Преподобный, заметив уныние инока, сказал ему: «Не унывай, вспомни Иова праведного, который говорит: Господь дал, Господь и взял, да будет благословенно Его Святое имя. (Иов. 1, 21)». Слыши эти слова, инок подумал, что кто-нибудь уже возвестил Преподобному о пропаже, упал к ногам его и просил прощения в своем нерадении. Когда Преподобный ласково простил его, он молил, чтобы ему позволено было отправиться в погоню за похитителями. Но Преподобный ответил: «Брат, гонящий бежавшаго не постигнет, бежавший же гонящаго постигнет вскоре» (I, 5). Инок не понял слов Герасима, но чрез три дня они в точности исполнились: сами воры воротились в обитель и привели лошадей, украшенных у Преподобного. Прибыв в монастырь, они пали к ногам Герасима и молили его простить им их грех: «Украв твоих лошадей,- говорили они,- мы три дня и три ночи пытались уехать на них из этих мест и не могли; измученные голодом, мы уразумели, наконец, что твоя молитва не отпускает нас

с похищенным у тебя; возьми свое и отпусти нас Бога ради». Преподобный вразумил их, чтобы они снискивали себе пропитание честным трудом, дал им все необходимое для пути и отпустил с миром.

Когда Преподобный достаточно устроил свой монастырь при речке Болдинке, приучил братию к иноческим обычаям и послушаниям, он предпринял путешествие в Переяславль Залесский, в Даниилов монастырь. Не одно желание видеть братию, вместе с которой он начал свои иноческие подвиги, влекло Герасима в Переяславль, а и нужда - прибрести для новоустроенной обители иноческий устав и некоторые богослужебные книги. По своему обычаю, он отправился пешим («на конях никогда не ездил до скончания жизни своей», замечает по этому поводу жизнеописатель), а три инока, сопровождавшие его, ехали на лошади и «далеко отстали» от Преподобного. Во Владимирской земле, недалеко от Переяславля, на Герасима в одной деревне набросились собаки; хозяева не только не удерживали их, но еще со смехом и злорадством натравляли их. Преподобный должен был остановиться, к нему подоспели его иноки на лошади и стали укорять жителей деревни за их бесчеловечие и жестокость. Герасим запретил инокам порицать жителей, говоря: «Дети мои, оставьте их, ведь не ведают что творят», и обратился к обитателям деревни со словами: «Увидите, как не от плотей наших насытятся псы ваши, но от скотов ваших; смех этот превратится вам в плач». Жители деревни стали поносить Преподобного, который втайне помолился, чтобы Господь не вменил им греха сего и отправился с

учениками своими в дальнейший путь. Скоро по удалении Преподобного, сбылись вещие слова его: весь скот в деревне, насмеявшийся над святым подвижником, пал и жители пришли в сильное уныние. Они вспомнили об обиде, нанесенной ими иноку и стали молить Бога о прощении. Преподобный, пробыв в монастыре «время довольно», возвращался в свою обитель прежнею дорогой и приближался к деревне, так жестоко насмеявшийся над ним. Когда обитатели деревни заметили его, то вышли навстречу с женами и детьми, пали пред ним ниц и со слезами просили прощения за нанесенное ему оскорбление. При этом они возвестили Преподобному, что совершилось точно так, как он предсказал: их скот начал падать и собаки насыщались телами падших животных. Св. Герасим простил жителей, уверяя их никогда не глумиться над иноческим чином и вознес за них к Богу теплую молитву, чтобы умножились скоты их по-прежнему. Спустя некоторое время, Преподобный послал учеников своих иноков в Даниилову обитель по монастырским надобностям и им пришлось остановиться в той самой деревне. Жители приняли их очень радушно, оказывали им великий почет и отпустили со словами: «Поведайте старцу нашему о нас, как даровал нам Бог, его молитвами, умножение скота и всякое обилие, больше прежнего» (I, 6).

В двух верстах от Болдина монастыря находится озеро, прозвываемое Абрамовским, которое во времена Преподобного имело множество рыбы. Из поселян, осевших около обители, многие ходили на это озеро ловить рыбу. Как кругом монастыря вообще, так и около озера

Абрамовского, была лесная глуши, тревожившая воображение людей, которые отправлялись на рыбную ловлю. Им представлялись разные ужасы, воображения, одно другого чернее, теснились в душе и заставляли беспокойно биться сердца, не отличавшиеся ни силой веры, ни простым мужеством. При этом разные неудачи постигали рыболовов, трудившихся на Абрамовском озере: то прорывались сети, то на глазах всех утопал кто-либо, то после ловли рыбы подвергался опасной болезни. Чтобы отвратить эти несчастья и не оставлять лова, многие стали прибегать к волшебству и отправлялись на озеро по совершении разных заклинаний, противных духу Христовой веры. Таким образом озеро и ловля рыбы на нем сделались причиной разных суеверий, с которыми всегда боролась церковь и люди, преданные ей всею душой. Преподобный Герасим долго и пламенно молился Господу, чтобы Он вразумил его, как истребить суеверия, пустившие глубокие корни в умах и сердцах людей простых и некнижных. И Господь Бог, Премилостивый Отец всех прибегающих к Нему, влагает в душу Герасима мысль - пойти на озеро и освятить его. Когда эта мысль укрепилась и созрела в душе Преподобного, он идет вместе с братией в церковь Пресвятой Троицы и совершает молебное пение. После этого он всю ночь, не смыкая глаз, молится Всевышнему, чтобы Он благословил его начинание и оградил Свою мощною десницей заблуждающихся рабов своих. Наутро Преподобный Герасим отправляется к озеру вместе со своими монастырскими ловцами и видит, что оно волнуется, хотя день был ясный и ветра совсем не было. Преподобный,

стоя на берегу озера, обращается с горячей молитвой к Господу Сил и в своем молитвенном настроении остается долгое время. Еще не окончилась молитва св. Герасима, как из глубины озера раздались звуки, необыкновенные по своей силе, подобные ударам грома, и пошли, перекатываясь по гребням волн, по реке, протекающей через озеро. Преподобный не переставал молиться... и вдруг на озере воцарилась гробовая тишина; ловцы, по приказанию святого, закинули сети и поймали множество рыбы. С того времени никогда ужас не теснился в души ловцов: спокойно и бестрепетно совершали они свое дело, точно в памяти народной не связывалось с озером никаких тяжелых преданий. Молитва Преподобного навсегда избавила людей от суеверного страха.

Основание преподобным Герасимом других монастырей и посещение их

В городе Вязьме св. Герасим основал монастырь в память св. Иоанна Предтечи, существующий и по настоящее время. До прихода Преподобного на место, занимаемое теперь монастырем, не было никакого поселения, а стоял очень густой ольховый лес, который перерезывался речкой Бебрей. «На этом месте прежде была корчма, прибежище блудников и разбойников, и прочим играм бесовским: душегубству, убийству, кровопролитию» (II, 7). В лесу, окаймлявшем берега речки Бебря, с давних пор был притон воров, разбойников и всякого рода буйнов, которым правильная охраняемая законом жизнь казалась

невыносимой. Во время Преподобного здесь нашли себе приют кутежи, разврат и своеволие людей, которые видели, что народ неодобрительно судит об их жизни и презирает их. Сюда собирались и из самой Вязьмы, и из окрестностей разные порочные люди, желавшие погулять и побесчинствовать на свободе, никого не стесняясь, в кругу товарищей, предававшихся постыдной страсти к вину. Любил заглянуть в этот уголок важный в то время боярин Телепнев-Оболенский, имевший невдалеке от города поместье, ныне село Спас-Телепнево. Вместе с ним и без него заявлялись сюда разные мелкие бояре («дети боярские»), которым представлялась бесцветной честная, трезвая и трудолюбивая жизнь. Следует припомнить, что это было время великих смут, козней, подкопов и безнадежия в Русской земле. По смерти великого князя Московского Василия Ивановича в 1533 году, наследником престола был объявлен трехлетний Иоанн (получивший впоследствии прозвание Грозного), управительницей сделалась его мать Елена, а вся власть попала в руки бояр. Бояре поделились на партии, которые не могли ужиться между собою и постоянно строили друг другу козни. Во главе одной стоял Глинский, во главе другой - князь Иван Телепнев-Оболенский. Волнения придворного боярства отдались и в мелких городах Руси: и там одни стояли за Глинского, другие за Телепнева, причем первые всячески досаждали вторым и наоборот. Во время этих междуусобий и распри угасло уважение к закону, ослабели бразды правления и воцарились произвол, безнадежие, пренебрежение к порядку и согласию. Суда и правды искать было негде: не было

единого полновластного правителя. Вот почему и буйная пестрая толпа гуляк, образовавшаяся в предместье Вязьмы, совершила всякие несправедливости и мерзости, никого не стесняясь; тем более, что она могла опираться на сильную руку Телепнева. Подгуляв во всю широту русской природы, пьяная ватага не останавливалась ни перед каким бесчинством, особенно потому, что в ее составе, кроме бояр, было много людей бесчестных, в воровстве и грабежах потерявших всякий стыд. В минуты грубого и бесшабашного разгула этой шайки плохо приходилось обитателям Вязьмы: ни имущество, ни честь, ни сама жизнь их не были ограждены от посягательств пьяной и безнравственной ватаги. Нельзя было ни пройти, ни проехать мимо места, где свили гнездо беззаконники, не подвергаясь нападению и оскорблению, и эта участь одинаково постигала как коренных жителей, так и приезжих. Обратиться за судом и защитой было не к кому: Телепнев при своей силе всегда мог оборонить от преследования властей своих товарищей по разгулу и бесчинствам. Притом же, совершая грабежи и убийства, разношерстная шайка проходимцев могла представить Телепневу дело так, что она нападает на его врагов, приверженцев партии Глинских. Как бы то ни было, мирные жители города Вязьмы и окольных селений были в отчаянии, не зная, что делать, у кого просить защиты и покровительства от притеснений беспутной и развратной шайки.

Весть о тяжелом положении жителей Вязьмы распространилась далеко за окрестности города; она не замедлила коснуться и чуткого слуха святого основателя

Болдиной обители. Имея сердце, всегда готовое отзваться на вопль несчастных, Преподобный проникся глубоким состраданием к плачевной участи вязьмичей. Несмотря на опасности, которые могли грозить ему от пьяного и развратного стада злодеев, он решился в конце 1535 года посетить Вязьму и по возможности поднять дух ее жителей. Слова Христа-Спасителя: «Пастырь добрый душу свою полагает за овец» (Иоан. 10, 11) звучали для св. Герасима призывом идти на помощь несчастным, невзирая ни на что. Он пришел в Вязьму со своим учеником Симеоном и бесстрашно явился в притон развратников увещать их исправить свою жизнь и оставить в покое мирных граждан. На людей, заматеревших в грязи и пороке, нельзя действовать сразу; поэтому Преподобный устраивает на берегу реки Бебря келью и начинает поститься и молиться, чтобы своим примером влиять на разнужданную толпу. Поселение Преподобного бок о бок с притоном гуляк и грабителей должно было так же поразить их, как поражает безмятежно пирующих неожиданный удар грома и блеск молнии, режущей глаз. Разгул и грабеж уже не могли более совершаться с наглой откровенностью; чувство беспокойства и неловкости должно было посетить душу людей, не привыкших стесняться и бояться. Когда к примеру присоединилось полное огня и воодушевления слово Герасима, когда он явился в гнездо буянов и начал призывать их к честной добре жизни, между ними произошло разделение. Одни стали поддаваться убеждениям проповедника, другие ожесточались от его слов, видя в них помеху для привольной и разгульной жизни. Замечая

распадение своего товарищества под влиянием речей и примера отшельника, некоторые из буянов прибегли к побоям и жестокостям, чтобы прогнать проповедника, но никакая сила не могла охладить его ревности к делу Божию. Несмотря на побои и ругательства, святой опять и опять является среди преступников, со слезами на глазах умоляет их исправиться, грозит судом Божиим, будит их уснувшую совесть, и его труды увенчиваются успехом.

Немало прошло времени, как святой поселился в Вяземских пределах, немало претерпел он от бесчинствующих, но сделал Божие дело: реже стали сходиться буяны, прекратились грабежи и разбои и ободрились напуганные жители. Многие из преступной клики стали на путь добра и начали вести честную трудовую жизнь, остальные разбрелись по другим местам. К Преподобному же с разных сторон стали стекаться ревнители благочестия. Одни брали благословение, беседовали и покидали его, другие оставались при нем и строили себе кельи. Так на месте грабежа, насилия и разврата возник приют молитвы, отречения от мира и собственности, покров чистоты и непорочности. К 1542 году около Герасима собралось довольно братии и он отправился в Москву просить разрешения на устройство обители. Разрешение было получено от Грозного Царя и устроена была церковь во имя святого Иоанна Предтечи, явившегося Преподобному в видении, когда он задумал основать обитель. По имени главной церкви и монастырь получил название Иоанно-Предтеченского; позднее св. Герасим устроил при монастыре храм во имя Вознесения Господня.

По мере того, как Иоанно-Предтеченская обитель больше и больше устраивалась, все сильнее и сильнее приливал к ней народ из окрестных деревень и селений. Некоторые принимали иночество, другие просили позволения поселиться по соседству с монастырем, чтобы назидаться его богослужением и учиться праведной жизни у св. Герасима. Так образовалась монастырская слободка, которая особой царской грамотой была освобождена от всяких податей и повинностей. Но спустя немного времени явился в Вязьму царский посланник, который задумал привлечь монастырских крестьян к повинностям наравне с остальными. Крестьяне отказались платить подати, от которых были освобождены по воле царя; посланник начал их преследовать и подвергал очень жестоким побоям. Узнав об этом, Герасим послал к нему иноков, чтобы они с ласкою и любовью попросили его освободить крестьян от незаконных поборов. Посланник не обратил внимания на просьбу иноков, начал поносить их начальника, св. Герасима, а крестьян по-прежнему подвергал притеснениям. Иноки донесли Преподобному, как поступил с ними посланник, и услышали краткие слова св. Герасима: «Вскоре мы сможем увидеться здесь с ним и, с Божьей помощью, найдем правду». Святой во второй раз отправляет к посланнику иноков с той же просьбой, но монастырским крестьянам не делают никакого облегчения. Мало того: посланник опять начинает осыпать укоризнами пр. Герасима, и вдруг на него находит припадок: он повергается на землю, изо рта показывается пена, зубы издают страшный скрежет... Свидетели, бывшие при этом, пришли в ужас; они признали

это наказанием Божиим за хулы на святого отшельника, и понесли больного в Иоанно-Предтеченский монастырь к Преподобному. Св. Герасим сотворил молитву над посланником и он пришел в сознание, но испытывал страшную слабость в теле, не имея сил двинуть ни одним членом. Он начал горько рыдать и просить Преподобного: «Отче, прости меня Бога ради; согрешил и пред Богом, и пред тобою». Св. Герасим кротко и любовно напомнил ему, что Господь запретил лихоимствовать, что с подчиненными следует обращаться мягко и милостиво, отправился в церковь и помолился за больного. Посланный почувствовал, что его члены укрепились, здоровье возвратилось. Со слезами на глазах стал он благодарить Преподобного, который воздал ему за зло добром. Герасим запретил ему рассказывать об исцелении от недуга и отпустил с миром.

Пробыв около 7 лет в Вязьме, устроив монастырь, собрав до 40 человек братии и поставив над ним игуменом своего спутника и ученика Симеона, Преподобный возвратился в Болдину обитель. Но ему недолго определено было Богом пробыть здесь: слава об его святой жизни и благодати вязьмичам вызвала его на новый нелегкий подвиг. В знаменитых Брынских лесах, нынешней Калужской губернии, как в окрестностях города Вязьмы, с незапамятных времен укрывались воры, грабители и разбойники, беспокоившие окольных жителей. Прославив о благодеянии, какое Преподобный оказал вязьмичам основанием монастыря, калужане решились прибегнуть к нему за помощью и защитой от удальцов, живших в

Брынских лесах. Святой живо откликнулся на просьбу и, по своему обыкновению, отправился пеший в знаменитые леса, отстоявшие от Болдиной обители на 300 верст. Там, на реке Жиздре, он построил на время келью, начал рубить лес, на своих плечах сносил его в одно место, возвел несколько построек и тем положил основание новому монастырю. Около него стала собираться братия, число которой возросло до 42, выстроена была церковь во имя Живоначальной Троицы с приделами Введения во храм Пресвятой Богородицы и преподобного Сергия Радонежского чудотворца. И на этом новом подвиге Преподобному пришлось вынести много горя от злых людей, которым он мешал своею чистой и бесспорочной жизнью. Но терпение, пост и молитва к Единому Защитнику Богу ограждали его от уныния и тоски, которые могли закрасться в душу всякого другого человека под гнетом преследований. Господь увенчал успехом начинания святого несмотря на все невзгоды. Устроив монастырь и поставив в нем игуменом своего ученика Петра (Коростелева), Преподобный возвратился в Болдино.

В то время, как св. Герасим устраивал монастырь в Брынском лесу на реке Жиздре, совершилось следующее чудо с сыном одного приказчика Лавра Соколова Леонтием. Лавр Соколов, неизвестно почему, стал поносить Преподобного Герасима и Болдину обитель, устроенную им; когда он изрыгал свои хулы, злой дух вселился в его единственного сына Леонтия. Больной падал на землю, трясясь всем телом, скрежетал зубами, испускал из рта пену и метался из стороны в сторону, так что его должны были

приковывать, и это повторялось каждый день. Тяжело стало отцу видеть страшные мучения сына. Он начал горько раскаиваться в своих безумных хулах на св. Герасима и решился загладить свой грех. Он отправляется в Болдин монастырь и везет с собою сына закованным в железо; пред братией обители он каётся в своих глумлениях, просит прощения и помощи. Священно-иноки стали молить Бога за больного, но не могли пособить ему в отсутствии своего начальника - преподобного Герасима, находившегося на Жиздре и занятого устройством обители. Бесноватый прожил немало в монастыре, пока св. Герасим, по озарении от Духа Божия, не поспешил к нему на помощь, оставил калужские пределы. Преподобный внезапно объявил своим сотрудникам по устройству обители в Брынском лесу: «Ныне подобает мне поспешить и посетить приведенного к нам в Болдин монастырь». Ученики пришли в изумление, не понимая этих слов, так как никто не приходил из Болдиной обители и не было известно, что кто-либо привезен в нее. Когда Преподобный подходил к Болдиной обители, братия вышла к нему навстречу, вместе с беснующимся, который в это время был свободен от приступа и мог идти. Но вдруг с больным сделался приступ: братия на руках понесла его навстречу св. Герасиму, причем больной страшно стонал, кусал зубами несших его, рвал ногтями их одежду и царапал лица. Преподобный, приблизившись к бесноватому, взял его за правую руку и больной тотчас успокоился; по приказанию Герасима его повели в церковь. Здесь Преподобный вместе с братией совершил моление об исцелении больного от недуга и бесноватый совершенно выздоровел. Отец не

помнил себя от радости и с того времени начал питать к святому Герасиму безграничную любовь.

Наконец, св. Герасимом был вызван к новой жизни монастырь, отстоявший на 30 верст от Дорогобужа вниз по Днепру, при большой дороге, на месте, которое прозвывалось Сверковы Луки. Преподобный любил уединяться в глухие, недоступные человеческому взору, места, чтобы вдали от всех треволнений жизни глубже войти в себя и пламенней помолиться Творцу. В одно из таких путешествий он пришел на место, прозвываемое Сверковы Луки; ему понравилось там, и он решил устроить монастырь. В литовское владение, до 1522 года, в Сверковых Луках был небольшой монастырь, всего в две кельи, и выше этого места, на другой стороне Днепра, была такая же малая обитель. Когда, в силу перемирия 1522 года, Смоленск остался за Москвой, Сверковыми Луками, по воле великого князя Василия Иоанновича, начал владеть его боярин, по имени Яков Андреевич Салтыков. Большой любитель схотов и звериной ловли, Салтыков часто заезжал в Сверковы Луки, в окрестностях которых водилось много дичи, и нередко ночевал здесь. Во время своего пребывания в Сверковых Луках, боярин, на правах полного хозяина, позволял себе крайне неприличные и дерзкие выходки, например, он решался ночевать с собаками в монастырской трапезе. Преподобный воспыпал великим негодованием, узнав о таких поступках православного боярина и решил поднять Сверколуцкий монастырь от унижения, в котором он находился из-за своей незначительности. Боярин видел, что с поднятием и развитием монастыря, прекратится его власть:

многие крестьяне поселятся вблизи обители, отойдут в ее собственность и перестанут быть его холопами. Он начал воздвигать разные преграды, чтобы помешать святому делу Преподобного, предпринимал попытки прогнать его, но ничто не могло отклонить святого от его доброго намерения. Он с кротостью говорил боярину: «Ты почтен Богом и государем, и тебе следует быть ревнителем благочестия, а не нечестия. Так как ты, могут поступать лишь нечестивые, тебе же, христианину, должно поступать по-христиански. Слышишь, что говорит пророк Давид: «Человек, в чести сый, неразуме, приложися скотом несмысленым и уподобися им» (Пс. 48, 21). Сильные сильнее отвечать будут: тебе следует быть довольным царским жалованием - поместьями и вотчинами, а земля, на которой строится монастырь, не тебе принадлежит - сю владеют Бог и Церковь». Но на испорченного боярина, привыкшего, чтобы все трепетало перед его властью, не действовали правдивые слова св. Герасима, он не оставлял своих попыток мешать Преподобному поднять от падения монастырь. Тогда подвижник решился просить защиты у высшей власти и отправился бить челом государю, сыну Василия Иоанновича, Ивану Васильевичу Грозному. Царь принял сторону отшельника, распорядился, чтобы ему дано было позволение на устройство монастыря в Сверковых Луках, и особой царской грамотой наделил монастырь земельными угодьями. Преподобный, с помощью Божьей и благочестивых христолюбцев, воздвиг холодную церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы и теплую, трапезную, во имя святителя и чудотворца Николая. Были

построены кельи для братии, которой, по призыву Герасима, собралось до 35 человек, и назначен был в строители ученик его, по имени Сергий. Боярин же Салтыков, долго противодействовавший отшельнику и враждовавший против него, под конец жизни проникся высоким уважением к св. Герасиму, оставил мир, отпустил на волю своих холопов и постригся в монашество в Болдиной обители. Он чувствовал свою вину перед св. Герасимом и, по представлении его, каждодневно молился перед его гробницей, проливая горькие слезы. Прежде, чем войти в церковь для пения богослужения, он обыкновенно повергался пред мощами Преподобного и взывал к почившему о прощении грехов, в которых был повинен перед ним. Он жил в Болдиной обители в благочестии и покаянии и, по смерти своей, был погребен недалеко от гроба преподобного Герасима.

Пр. Герасим не оставлял основанных им монастырей без своего бдительного надзора: он часто посещал их и следил за чистотой веры и жизни в среде братии, обитавшей в их стенах. Во время этих посещений он разбирал несогласия, если они появлялись между иноками и увещевал их к соблюдению церковных заповедей и уставов. Он указывал на то, что земная жизнь человека кратка, что за нею наступит другая, которая не прекратится во веки. Если иноки потрудятся, как требует церковь и Евангелие, здесь на земле, им даровано будет неизреченное блаженство на небе. «Если бы знал кто, братья, - говорил св. Герасим, - какая радость ждет в будущем труждающихся в жизни этой Господа ради, не дал бы покоя себе во все дни жизни своей,

но в трудах и терпении, тяжелых страданиях прожил бы все свои дни» (II, 11). Он советовал инокам помнить час смертный, иметь любовь друг к другу и оставлять злопамятство, быть прилежными к молитвенному подвигу, старательно посещать церковь, внимательно слушать чтение и пение божественных служб. «Тогда, - наставлял святой своих учеников, - вселится в вас страх Божий и тьма греховная бежит от вас, свет чистоты и бесстрастия озарит души ваша и увидите солнце правды и войдете в чертог небесный, как мудрые девы. Украсив души свои, вместе и каждый в отдельности, повинуйтесь наставникам вашим, которые заботятся о душах ваших, потому что хотят воздать слово о вас Богу в день судный» (II, 11).

Преставление пр. Герасима и завещание братии основанных им монастырей

На 66 году жизни преподобный Герасим почувствовал, что силы оставляют его, что его деятельность, полная опасностей, огорчений и бед, должна прекратиться. Предвидя свою скорую кончину, он созывает братию всех основанных им обителей в «Большой монастырь Болдин» (так называл его сам Преподобный) и объявляет ей свою предсмертную волю. Как отец, навеки оставляя свою дорогую семью, ослабевшим от волнения и болезни голосом, произносит последние благословения и дает последние советы, так и св. Герасим обращается к своим ученикам с трогательной прощальной речью. «Конец жизни моей, - говорит он, - приближается и я иду к Отцу Небесному.

Молю вас: сохраните слова мои, чтобы жить по отществии моем в мире и любви по заповедям Господним и уставам святых Отцов. Помните обеты ваши, которые произносили перед Богом, сохраняйте ангельский образ и отрекайтесь от мира, и тогда Господь-Вседержитель будет со всеми вами. Изберите себе игумена, которого хотите, чтобы правил вами во всем благочестии и чистоте». Братия в один голос ответила дорогому учителю: «Мы хотели бы, добрый наш пастырь и наставник, умереть с тобою, но не так определено свыше. Пусть же Бог, возвестивший тебе об отществии из мира, вразумит тебя избрать нам пастыря и учителя, который творил бы во всем волю Его». Преподобный подозвал к себе одного из учеников - Иосифа, по прозванию Краснонисца, «мужа благоговейного, умелого и рассудительного во всем» и сказал окружающим: «Он вам будет игуменом, пастырем и наставником, ему же предаю я монастырский устав и иноческое правило». Обращаясь к новоизбранному игумену, св. Герасим сказал: «Сын мой и брат Иосиф! Вот оставляю тебя с Богом строителем и промыслителем святой обители и всему богособранному братству. Соблюдай завещание мое тебе и всей братии жить по заповедям Господним и по уставам Св. Отец». «Молю вас, братия и чада,- обратился св. Герасим к ученикам своим,- как и при мне не было хмельного пития в этой обители, так и по моем представлении никаким образом не будет. Мирским людям с братией в общих келиях никогда не жить и имения по кельям не держать, питаться же всем вместе в трапезе с безмолвием, что Бог пошлет, и слушать житие святых Отец и поучительные слова, а пища чтобы

была всей братии равна, излишней еды никому не давать и по кельям пищи не держать; приходящих же из иных монастырей братии не изгонять; ропотников же и раскольников - таковых не пускать, а смирять монастырским послушанием и наказывать их с кротостью; непослушающих наказывать изгнанием из обители, чтобы и другие имели страх и не творили того же. Спутников (путешественников и странников) и нищих не оскорбляйте, накормите их и на путь подайте что Бог пошлет. Игуменов ваших почитайте и повинуйтесь им о Боге, как пишется в житии святых отцов: которые повинуются старейшине, называемом игуменом, ангелам Божиим подражают; а противляющиеся настоятелю, диавола собой представляют. Если игумен не по монастырскому чину будет жить, не следует его бесчестить, а послать к нему в келью кого-либо из братии беседовать с ним со смирением, незлобием, кротостию и любовью. В духовных делах и во всяких монастырских нуждах игумен без совета соборных старцев ничего не должен творить. А соборных старцев чтобы у вас было двенадцать, кроме игумена, а старцы бы соборные были духовной жизнью крепки, спокойны и очень благорассудны; а старцем бы также ни о каком монастырском деле без игумена не собираясь, решать только всем вместе, разве который старец в отъезде будет по монастырской службе. В игумены избирайте из своих постриженников, из братии своих монастырей, а не из чужих, поскольку знают закон смирения нашего. А кто Святой Живоначальной Троицы устав нарушит - игумен или из соборных старцев кто, - тот будет судиться со мною перед

Господом Богом. Братья и чада! Как говорил прежде, говорю и сейчас: вот отхожу от мира сего и передаю вас в руки Божии и Пречистой Богородицы и Преподобного Сергия Радонежского чудотворца и в руки Государя, царя и Великого князя, Ивана Васильевича, всея Руси Самодержца, и Преосвященного Макария, Митрополита Киевского и Московского и всея Руси, потому что я был челом царю Государю и великому князю Ивану Васильевичу и Преосвященному митрополиту Макарию о сохранении монастыря от обид посторонних, чтобы по преставлении моем не дали в обиду, а если, братья мои, постигнут вас какие-либо скорби, вы бы уповали во всем на Господа Бога, Пречистую Богородицу, и призывали бы на помощь Сергия чудотворца, и были бы челом Государю-царю и великому князю, кого Господь в то время на царство поставит, и Преподобному Митрополиту, который в те дни будет править престолом. Да будет известна наша обитель им и в деле неповинном защитят вас и помошью Божией невредимы будете» (II, 12). После этого Преподобный, по исконному обычаю, просил прощения у всех окружающих, дал братии и последнее целование и отпустил ее по келиям, оставил при себе одного из учеников, никогда не расстававшегося с Преподобным и не покидавшим его. Хотя силы видимо оставляли святого, его душа, готовая освободиться от уз тела, была бодра и горела сильной любовью к Богу: всю ночь св. Герасим не смыкал очей и воссыпал молитвы к Престолу Царя Небесного. На монастырской звоннице ударили к заутрени, когда святой почувствовал наступление смертного часа. Он принял

Пречистое Тело и Животворящую Кровь Господа нашего Иисуса Христа, простер руки к небу, сотворил молитву и тихо, безболезненно окончил жизнь, произнося слова: «В руце твои, Господи, предаю дух мой» (Лк. 23, 46). Когда Преподобный в своей бедной келье испустил последний вздох, братия в церкви праздновала память св. Пафнутия Боровского пением заутрени и один из священноиноков читал слова Христа Спасителя: «Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные и Я успокою вас, возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем и найдете покой душам вашим; Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко» (Мф. XI, 28-30). Св. Герасим скончался в 1554 году от Рождества Христова, в 1 день месяца мая, в семь часов утра. «И сразу,- говорит жизнеописатель святого,- в тот час в келье излилось неизреченное благоухание от тела святого и просветилось лицо его, как ангела, а не как мертвого человека, показывая чистоту его душевную и телесную и от Бога трудам его возношение. Братия же, услышавшие о преставлении Преподобного и пришедшие в келью, где лежало умершее тело блаженного, слезно рыдали о лишении наставника, кормчего, отца и учителя. И затем, возложив на одр трудолюбивое тело его, на головах своих понесли в церковь с подобающей честью, и погребли честное и многострадальное тело его с надгробным псалмопением, со свечами и кадилами, у Пребезначальной Троицы в Болдине монастыре, у придела чудотворца Сергия, от полуденной стороны. И так братья-ученики Преподобного в большой скорби, плача и рыдая, разошлись по своим монастырям кто где обитал» (II, 12).

Почил Праведный Старец, угас светильник Христовой Веры, но не угас свет, который он пролил в мире. Прежде всего этот свет согревал и оживлял 127 человек братии, оставшейся в Болдином монастыре по преставлении Преподобного, а потом и остальных учеников св. Герасима - подвижников обители с XVI века до наших дней. Далее этим светом согревалась и озарялась не одна верующая душа в течение всего времени со дня основания Болдиной обители и преставления Преподобного. Многочисленные чудотворения, явленные св. Герасимом после кончины, самое лучшее доказательство силы этого небесного света, света веры и правды.

**Чудеса, совершенные преподобным
Герасимом по вере и молитвам притекавших
к нему в XVI и XVII веках**

I.

В Болдином монастыре был работник, который, по выражению древнего жизнеописателя св. Герасима, «кил злым обычаем, творил бесовскими ухищрениями неправду, крали монастырское имущество и много тайного зла творил». За свою нечистую жизнь он вскоре получил наказание от Бога, впал в недуг «очень тяжелый»: все члены его были скрочены и он не мог владеть ни руками, ни ногами. Болезнь терзала его день и ночь и вырывала из его груди страшные вопли, наводившие ужас на всех, кому приходилось их слышать. Наконец, чтобы умилостивить Бога и замолить свои грехи, больной решился отречься от мира и постричься в

монашество; игумен Иосиф постриг его под именем Александра. Новонареченный инок был помещен в братскую больницу, где он и пробыл два года, не имея сил посещать ни церкви, ни трапезы, ползком на локтях и ладонях передвигаясь с места на место. Один из опытных старцев обители, по имени Вассиан, уговорил инока прибегнуть за помощью к угоднику и он начал ползать к раке преподобного Герасима каждый день, с плачем и рыданием прося отпущения грехов своих. Однажды, после вечерни, приполз Александр к гробу святого и с плачем исповедал грехи свои, как вдруг у гроба Преподобного появилась зажженная свеча и вскрылась доска на его раке. Больной подумал, что доска сдвинута плотниками, производившими поделки в храме и подползши хотел поправить ее, но был поражен страхом и радостью: он видел, что гроб открыт и в нем лежит Преподобный, лицо которого сияет подобно солнцу. В тот миг, как увидел св. Герасима, Александр стал на ноги, руки и все члены его окрепли и он почувствовал себя совершенно здоровым, точно злая болезнь никогда не мучила его. Не веря себе и своему счастью, инок, отошедши немного от гроба, стал ощупывать и оглядывать себя. Убедившись в своем здравии, он приблизился к гробу, чтобы облобызать целительное тело угодника, но доска сама собою закрылась и на ней, как всегда, лежал уже покров. С несказанною радостью поспешил Александр к игумену и сообщил обо всем, виденном в храме.

II.

«Некий человек,- говорит древний жизнеописатель Преподобного,-был очень мучим злым духом: его многократно бросало на землю и падая он ударялся, все члены

его тела сотрясались, изо рта текла пена и скрежетали зубы. К тому же он становился очень свирепым, так что, поднявшись, кусал стоявших рядом людей или нещадно бил их руками и поэтому на него накладывали железные оковы, но и они не могли его сдерживать. Многократно, на глазах у всех, вырвавшись из рук, он бегал по лесам и диким местам, крича безрассудным голосом. Этого больного с большим затруднением привели в Болдину обитель и насильно привлекли к раке угодника. Тотчас страждущий пришел в чувство, с благоговением взорвал на гроб св. Герасима и произнес: «О, преподобный отче Герасиме! Помилуй меня и не предай этим злым тъмообразным ратникам, вокруг меня с оружием предстоящим, ведь они хотят меня погубить». И видит исцеленный преподобного Герасима, вышедшего из гроба с жезлом и ученика его Варсонофия, который был известен больному. В руках у обоих было по горящей свече; от этих свечей «возгорелся пламень великий и пропали черные эфиопы, находившиеся (как казалось больному) у гробницы, а оставшихся в монастыре преподобный Герасим, передав свой жезл ученику своему Варсонофию, повелел изгнать из монастыря, и тотчас Герасим и Варсонофий стали невидимыми». С этого времени больной навсегда избавился от недуга своего; возвестив о всем виденном настоятелю и братии, он удалился в дом свой, славя и благодаря Господа (II, 14).

III.

Иеромонах Болдиной обители Корнилий имел великую веру в Преподобного и пред ракою его дал клятву - никогда не оставлять основанного им монастыря, но потом впал в искушение: роптал на игумена, на иноческий устав и на трапезу.

Наконец, он пошел к раке Преподобного, пал пред нею и просил у угодника благословения оставить «большой Болдин монастырь». Вдруг он слышит, что кто-то тихими беззвучными шагами вышел из гробницы, пригнул его сзади к земле и не давал ему встать; тотчас почувствовал он расслабление во всем теле, онемел и ослеп. В таком положении застала его у гроба угодника братия, собравшаяся на молитву. Заметив, что с Корнилием совершилось что-то необыкновенное, братия обратилась с молитвою к Господу об исцелении больного. Во время молебного пения, рассказывал потом Корнилий, из гроба св. Герасима вышел легкий и тонкий пламень, который, охватив больного, влил в тело какую-то бодрость и силу и он тотчас почувствовал себя здоровым. После этого инок упал пред гробом Преподобного, слезно просил прощения за свое вероломство и дал новый обет - никогда не оставлять обители, покоряться ее уставам, почитать начальников и жить по завету св. Герасима. Корнилий до конца жизни своей ни в чем не отступил от обета (II, 15).

IV.

В обители пр. Герасима был инок, по имени Антоний, который, еще живя в мире, в юношеском возрасте дал обет постричься в монашество в Болдином монастыре. Этот обет он неоднократно повторял при свидетелях, товарищах и сверстниках, но возмужав забыл его, женился и предался мирским занятиям и интересам. Все не спорилось в руках человека, нарушившего обет, ни в чем ему не было удачи. Мало того, преподобный Герасим являлся ему во сне и укорял за нарушение обета, но он не придал этому видению никакого значения, как не обращал внимания и на несчастья, постигавшие

его. Но вот в местности, где жил он, появляется повальная болезнь, которая не замедлила захватить и его. Чувствуя приближение смерти, он велит везти себя в Болдин монастырь, чтобы хоть перед кончиной исполнить обет пострижения. На пути в монастырь смертельно больной получает облегчение и оправляется настолько, что, сев на коня, едет один, без посторонней помощи. Чем дальше он продвигался к монастырю, тем сильнее загоралась в его сердце любовь к миру и нежелание оставлять его, и он вознамерился воротиться назад в свой дом, к своим занятиям. Когда он решил это, внезапно постигло его наказание Божие: он упал на землю, как мертвец и потерял сознание. Когда он в забытьи лежал на земле, не имея сил подняться, необыкновенный страх сдавил его грудь и он в смущении стал искать вокруг себя, кто бы протянул ему руку помощи. Внезапно явился ему св. Герасим и стал укорять, что он, живя в мире и претерпевая разные беды, не понимал их смысла, не видел в них руки Божей, которая вела его к спасению. Преподобный взял за руку болящего и ему представилось, что он вдруг перенесен на новое место, светлое и прекрасное, от которого изливалось невыразимое благоухание. В его ушах раздались краткие и тихие слова: «Выполнни обет, который дал прежде и будь ему верен» и святой стал невидим. Больной пришел в чувство и увидал себя на том самом месте, где потерял сознание. Он обратился к спутникам и просил скорее везти его в Болдин монастырь. По прибытии сюда, больной встал на ноги, пошел помолиться угоднику Божию и затем, не откладывая, исполнил свой обет: постригся в монашество с именем Антония и до конца жизни не оставлял Болдиной обители (II, 16).

V.

Один кожевник из г. Дорогобужа, по имени Яков Зенин, был одержим нечистым духом, который, по сказанию дрсвного жития, повергал его на землю, нещадно бил и доводил до состояния, подобного смерти. Больной подолгу не ел и не пил, издавал ужасные стоны, говорил скверные слова, кусал стражей, убегал в леса и бесподобные места. Наложив на страждущего железа, привезли его в Болдин монастырь к гробу Преподобного и тотчас нечистый дух поверг его на землю; он был безгласен, подобно мертвому, во все время молебного пения об его исцелении. По окончании молебна больной, точно встав от глубокого сна, с изумлением обвел предстоящих глазами и почувствовал, что совсем выздоровел от своего недуга. Воздав благодарение угоднику Божию Герасиму, он возвратился в дом свой с весельем и радостью (II, 17).

Спустя немного времени, тот же Яков Зенин заболел язвой на руке, от которой опухло все тело: он лишился еды, сна и приговорен был окружающими к смерти. Тогда он обратился с мольбою к преподобному Герасиму, прося его избавить от настоящей болезни, как он был избавлен молитвами святого от прежней. После горячей молитвы, вышедшей из глубины страждущей души, больной почувствовал позыв к пище, которой в то время питалась братия Болдиной обители и малопомалу совсем оправился от болезни (II, 18).

VI.

Некогда, по царскому повелению, проходили мимо Болдиной обители четыреста стрельцов. Пища, взятая ими, вся вышла и они завернули в обитель, прося игумена накормить их.

Игумен спросил расходчика, много ли в монастыре пищи и получил ответ, что съестного в монастыре столько, сколько нужно для дневного пропитания братии. Игумен и братия были в сильном огорчении, не зная, чем накормить служивых людей; но веря, что Бог может и малым напитать многих, собрались в храм и обратились с молитвой к Богу. Помолившись, игумен и братия порешили отдать стрельцам весь скучный запас монастырской провизии и, силой Божьей, предложенная пища не только оказалась довольною для стрельцов, но и осталось от нее, сколько было нужно для насыщения братии и монастырских работников. «Мы же, — замечает по этому поводу писатель древнего жития, — видевшие это, прославляли Бога, творящего преславные и дивные дела угодником своим пр. Герасимом (II, 19)».

VII.

Когда в обители пр. Герасима строилась каменная с трапезою церковь во имя Введения во храм Пресв. Богородицы, один человек, по имени Михаил Казьмин, приходил трудиться Бога ради, помогая строителям носить камень, известье, кирпич, без всякой за то платы. На что-то обидевшись по пустякам, он ушел из монастыря, намереваясь отправиться в другое место на труд и дорогою попал в руки разбойников, которые привели его в свой стан и, связав ему руки и ноги, хотели убить. Один из них уже направился к несчастному с оружием в руках, как Михаил в горьких слезах стал творить молитву: «О, преподобный Герасим! Согрешил перед тобою, прости меня Господа ради и избавь от тяжелой смерти этой». Услышав имя угодника Божия, разбойники были поражены непонятным страхом и разбежались в разные

стороны, словно кто сделал на них внезапное нападение: с несчастного же Михаила сами собою спали перевязи ног и рук. Поднявшись с земли, он направился в монастырь, к раке Преподобного, воздать благодарение за свое спасение и рассказал о бывшем с ним настоятелю и братии (II, 20).

VIII.

Один человек, имевший сына, постригся в иночество с именем Мисаила и жил в монастыре, невдалеке от Дорогобужа. Вместе с сыном инок посетил Болдин монастырь. Настоятель предложил им угощение, как заведено было в обители в силу завещания Преподобного. Мисаил же не только не принял угощения, но рассерженный оставил монастырь, не поклонившись на прощание гробнице святого и не испросив благословения настоятеля. При этом он произносил укоризны на обитель. В наказание за эти хулы у Мисаила с сыном было отнято разумение и они сбились с дороги: сколько ни блуждали они по окрестностям, не могли попасть туда, куда лежал их путь. Находясь в беде, инок вспомнил свое прегрешение и стал горько плакать, раскаиваясь в безумном порицании иноческого устава и порядков Болдиной обители. Он обратился с молитвою к Преподобному основателю Болдина монастыря, и тотчас открылись глаза его и он напал на путь, по которому ему нужно было идти в свое жилище. В благодарном воспоминании об этом, инок Мисаил переселился в Болдин монастырь, где и оставался до самой смерти, а после и сын его принял здесь же пострижение и жил до самой кончины своей (II, 22).

Подобное же чудо было с иноком Гурием, который, проживая в обители Преподобного, вздумал украсть складные образа, стоявшие над ракой угодника и с ними бежать из

обители. Но, захватив иконы, он не мог по выходе из монастыря найти дороги, долго блуждал по ближайшим окрестностям, пока не раскаялся и не решил загладить свой грех. Тогда он узнал тропу к монастырю, вернулся в него, исповедал пред настоятелем грех свой и, получив от него наставление, остался в обители, где прожил до конца дней своих в мире и сокрушении сердца (II, 23).

IX.

В 1585 году в царствование сына Грозного, Феодора Иоанновича, были отправлены послы в Литву: на обратном пути один из них, Михаил Бездинин, тяжело заболел, так что в течении 15 дней не мог ни есть, ни пить. Не надеясь выздороветь, посол готовился к смерти и делал распоряжения о предании земле его тела, когда товарищи, проезжая мимо Болдиной обители, решили завести больного в нее. Безднина, еле живого, принесли к раке св. угодника и настоятель с братией стали служить молебен об исцелении болящего. По окончании молебна, из гроба Преподобного вышел точно какой пламень, коснулся страждущего и он тотчас заметил, что к нему возвращаются силы и появляется желание подкрепиться пищей. Отведав монастырской пищи, посол поехал в путь, славя святого угодника и, по прибытии в Москву, возвестил о бывшем с ним благочестивому царю Феодору (II, 24).

X.

Некто Егор Плещивцев впал в тяжкую болезнь. На праздник Св. Троицы в Болдину обитель отовсюду направились богомольцы, с ними кое-как пошел и больной, но на пути изнемог, отстал от своих спутников и, упав на землю, горько

сожалел о своем несчастье и невозможности быть на празднике в монастыре. От усталости и недуга сами собою сомкнулись его глаза и вдруг он видит «подошедшего к нему старца, держащего в руке жезл. Толкнув его этим жезлом в ребра, старец сказал: Почему лежишь? Встань иди в мой монастырь, соверши молитвы Живоначальной Троице, а придя к гробу моему, исцеление получишь: я - Герасим, начальник той обители». Ободренный этим видением, больной почувствовал подъем сил и, встав, пошел в Болдину обитель, вознес моление Пресв. Троице, поклонился гробу св. угодника и сделался совершенно здоровым. Рассказав об этом чуде игумену и братии, он возвратился в дом свой, славя Господа Бога и Его святого угодника Герасима (II, 25).

XI.

Косьма Новоторжцев, родом из Вязмы, впал в болезнь, которая проявлялась тем, что он забывал куда идет и, однажды попав в известное место, не мог возвратиться оттуда, если кто-либо не приходил к нему на помощь и не провожал его домой. Родственники несчастного, прослышив о чудесах, совершившихся у гроба преподобного Герасима, привели его в Болдину обитель. Помолившись Пр. Троице и святому угоднику, больной тотчас выздоровел. С радостью он отправился назад в жилище свое, прославляя Господа, дивного в чудесах и святого целителя недугов Герасима (II, 26).

XII.

25 сентября 1589 года совершилось при мощах пр. Герасима исцеление от болезни супругов Гавриила и Евдокии, живших у князя Ивана Сицкого.

Сперва Гавриил, а от него и Евдокия, заболели помешательством, выражавшемся в неотступном и беспричинном страхе, который тревожил и расстраивал их воображение. Им чудились какие-то необыкновенные мыши, кошки и разные гады; то вдруг в ночной тишине пред их глазами появлялись мертвецы, которые иногда стояли на одном месте, а иногда передвигались и скрежетали зубами. Больные не могли быть спокойными ни днем, ни ночью; всякий новый предмет, всякое новое место, какой-нибудь неожиданный шорох или шепот, все повергало их в ужас и смятение. Болезнь развилась до того, что супруги стали бояться людей и животных. Их знакомые, зная о чудесах, совершившихся при гробе св. Герасима, повезли больных в Болдину обитель. Новые предметы, новые люди, встречавшиеся во время пути, скрип и шум колес были причиной особенно сильного ужаса, который овладел болящими по пути в Болдино. Им казалось, что какие-то невидимые силы удерживают их от посещения обители. Наконец, после бесчисленных трудностей, супруги были доставлены в Болдин монастырь. Игumen с братией соборно сотворили молитву о болящих и они получили совершенное исцеление (II, 27).

XIII.

Один из жителей Смоленска, по имени Наум, «котельник художеством», пожелал постричься в монашество под кровом пр. Герасима в Болдином монастыре, оставил дом, жену, детей и принял иночество, получив имя Иасона. Но, спустя немного, по наущению злого духа, он начал думать и мечтать о прелестях мирской жизни, нарушил иноческий обет и ушел в Вязьму, в один из монастырей и жил там, как мирянин. Преподобный Герасим

не раз во сне являлся ему, укорял его за нарушение обета иночества, грозил ему мучениями будущей жизни, но Иасон не вразумлялся видениями и продолжал жить по-прежнему. Наконец, угодник Божий явившись во сне Иасону, возвестил: «Еще раз услыхаешься меня, будешь иметь много страданий» - и инок, проснувшись, заметил, что на него напало расслабление. Он не мог двинуть ни руками, ни ногами. Вспомнив о своем обете, инок начал горько плакать, каяться и упросил отвести его в Болдину обитель. По прибытии сюда, он каждый день ходил ко гробу Преподобного и просил прощения в своих согрешениях, но долго не получал исцеления от недуга на пользу и научение всем маловерным и вероломным. Инок не переставал однако каяться и молить угодника об исцелении болезни, и молитва его была услышана: он совершенно выздоровел от расслабления. Вместе со здоровьем, как это часто бывает, возвратилась к Иасону и беспечность: спустя немного времени, он снова оставляет монастырь, чтобы жить не для подвигов и спасения души, а для наслаждения здесь и мучения за гробом. Праведный Господь не оставил такого дерзкого вероломства без наказания: Иасон лишился ума, в какой болезни и окончил несчастную жизнь свою. «Этому мы были свидетелями,- замечает древний писатель жития,- и не хотим забыть со смехом, но предаем писанию в назидание слышащим» (II, 28).

XIV.

Инок Болдиной обители, по имени Дионисий, долгое время жил, как должно, соблюдая предания, сохранявшиеся от времен Преподобного и подчиняясь монастырским уставам. Но, наученный врагом человеческого рода, он стал хулить и обитель, и ее обычай с уставами, возненавидел церковное пение, перестал

оказывать уважение игумену и затевал ссоры с братией. Малого того: он перестал посещать церковь, не показываясь в трапезу, апохищая пищу и питье, употребляя их тайком от всех, и даже стал возводить хулы на самого основателя обители пр. Герасима. Игумен и соборные старцы не раз делали попытки образумить его, но все было напрасно: непокорный с каждым днем становился хуже и хуже, переходя от одного нарушения устава к другому. Так шло дело довольно долго, инок не думал просыпаться от своего греховного сна, пока не грянул гром свыше и Дионисий не впал в бешенство: произнося нелепые слова, он бросался на братию и на животных, ломал и бил все, что попадало под руку. Чтобы помешать его неистовствам, вынуждены были наложить на него оковы и связанного привели в церковь к раке св. угодника и стали возносить моления об исцелении души и тела раба Божия Дионисия. Вместе с окончанием молебного пения окончились и страдания инока: к нему возвратился здравый смысл, со слезами на глазах он начал каяться в своих грехах и передавать окружающим то, что он испытывал. «Я был, — говорил он, — на каком-то неизвестном месте, где злые духи немилосердно мучили меня, но явились ко мне Преподобный Герасим с Вологодским епископом Антонием и прогнали от меня темные силы». С того времени болезнь, прогнанная молитвами св. угодника Божия Герасима, не возвращалась более к иноку Дионисию (II, 29).

Чудеса, совершенные преподобным Герасимом в позднейшее время

XV.

При настоятеле Болдиной обители игумене Никодиме привезена была одна девица, родом дворянка, которая была

одержима бесом. Ее хотели ввести в церковь, где почивают мощи угодника, но она долго сопротивлялась; наконец решено было ввести ее силою, но и на этот раз встретилось препятствие. Больная так крепко вцепилась руками в железный прут, которым задвигалась церковная дверь, что едва несколько мужчин могли оторвать ее и ввести в церковь. Когда был отслужен молебен Преподобному и девицу насильно приложили к раке угодника, она немедленно успокоилась, пришла в разум и через некоторое время совершенно выздоровела.

XVI.

У сына помещика Дорогобужского уезда сельца Молодилова Константина Чебушева, Дмитрия, было сильное кровотечение из носа, заставлявшее опасаться за саму жизнь больного. Родители истощили все средства, стараясь подать сыну врачебную помощь, побывали у всех докторов, более или менее знаменитых, но никто не мог облегчить их горя. Тогда отец и мать привезли больного ребенка в Болдин монастырь и вознесли горячие молитвы Господу Богу и Его святому угоднику Герасиму об исцелении их сына. Маслом, взятым от лампады, помазали нос и ноздри больного, кровотечение тотчас остановилось и потом уже не возобновлялось. Врач, который после посетил прежнего больного, пришел в неописанное изумление, узнав, что кровотечение остановилось от деревянного масла. В подобных болезнях деревянное масло бывает очень вредно, здесь же, во славу Божьей и молитвами св. угодника, оно произвело как раз обратное действие.

XVII.

Купец города Дорогобужа Зарин, сильно заболев, дал обет сходить к Киево-Печерским угодникам, что и не замедлил исполнить. Когда богомолец явился в Киев к иеромонаху старцу Парфению, известному своей чистой жизнью и даром прозорливости, старец спросил его, был ли он у ближайшего к его месту жительства святого, преподобного Герасима. Получив ответ, что Зарин никогда не был в Болдином монастыре, старец сказал ему: «Сходи в Болдин монастырь, помолись пр. Герасиму и поговори там». Возвратившись из Киева, больной немедленно исполнил совет старца и получил полное выздоровление от своего недуга.

XVIII.

Крестьянка Гликерия Кондратьева, оступившись и упавши, сильно разбила себе руку, которая разболелась до того, что к ней нельзя было притронуться. Она обращалась за советом и помощью к лекарям, но болезнь не утихала. После этого она обратилась с усердной молитвой к преподобному Герасиму, отслужила ему молебен и получила совершенное выздоровление. Заявив настоятелю и братии о том, что с нею совершилось силой святого угодника, она возвратилась домой, славя Бога за дарованное ей исцеление.

XIX.

Одна женщина из города Вязьмы, по фамилии Зайцева, заболела в 1871 году холерой. Болезнь, как всегда, быстро развилась и Зайцева, по общему убеждению, должна была

умереть. Дочь ее, сильно к ней привязанная, обратилась к небесной помощи, когда человеческая была очевидно излишней. Со слезами на глазах она стала молиться пред иконой пр. Герасима и просила святой помощи угодника. Молитва была услышана: ее мать была призвана от смерти к жизни, продолжавшейся после того целых девять лет.

Дочь Зайцевой сама заявила монашествующим Болдиной обители о чуде, бывшем над ее матерью.

XX.

У священника Ельгинского уезда села Каменец о. Александра долгое время болела дочь и он дал обет съездить в Болдин монастырь помолиться угоднику. В ночь под тот день, когда решено было отправиться в обитель, священник видит во сне, что он приехал в Болдино и его встречает молодой человек. Разговорившись с ним, священник спрашивает, где ему остановиться и в это время видит старца в монашеском одеянии, убеленного сединами, высокого ростом. Молодой человек говорит священнику: «Вот прося этого старца, он исполнит твою просьбу». Священник падает перед старцем на колена и просит его заступничества. Не поняв слов, сказанных старцем, священник проснулся и видит, что его больная дочь уснула, хотя сон давным-давно оставил ее, а потом малопомалу совершенно выздоровела. Но занятый делами священник как-то забыл съездить в Болдин монастырь и воздать благодарение угоднику Божию за его благое действие. Через некоторое время вместо дочери заболел сам отец; тогда он уразумел свою вину и дал твердое обещание помолиться у раки св. Герасима. Прибыв в обитель, он встретил того самого молодого человека (монаха), которого видел во сне; монах

указал странноприимный дом, где можно остановиться, и свел священника в церковь, где почивают моши Преподобного. Отслужив благодарственное Господу Богу молебствие за исцеление дочери и раскаявшись в своем согрешении пред св. угодником, священник возвратился в дом свой совершенно здоровым.

XXI.

Мещанка гор. Вязьмы, по имени Анна, мучилась восемь дней и не могла разрешиться от бремени: никакие пособия и лекарства не могли помочь ей и она была приговорена к неминуемой смерти. На девятый день от начала ее мук она вспомнила, что у нее есть деревянное масло от лампады, горящей перед ракой пр. Герасима. С пламенной молитвой к угоднику, которая усиливалась ожиданием смерги и болями рождения, она выпила бывшее у нее масло и немедленно разрешилась живым ребенком. Доктора, услышав об этом, удивились, так как их наука не знает случаев, когда бы деревянное масло помогало родильнице разрешаться от бремени. Но невозможное для человека, легко для Бога, который всему дает жизнь и дыхание и все (Деян. 17, 25).

XXII.

Один иеромонах Болдиной обители, достигнув старческого возраста, впал в детство: он ежеминутно забывался, был рассеян, говорил и делал то, что позволительно неразумному ребенку. Молодые люди (послушники), недолго жившие в обители и не проникшиеся ее духом и обычаями, смеялись над больным, невзирая на его преклонный возраст.

Эти насмешки были не только явным отступлением от иноческих уставов, но и нарушением самой главной христианской заповеди о любви к ближним. Господь Бог, защитник всех притесняемых, не замедлил прийти на помощь к несчастному иноку. Казначею монастыря во сне явился неизвестный старец и сказал: «Зачем вы забросили своего брата? - причем назвал ослабевшего иеромонаха по имени, - зачем вы допустили, что над ним смеются и совершают поругания? Он скоро отйдет от вас. За то, что находится в небрежении здесь на земле, он получит воздаяние от Бога на небе, а вы будете отвечать за свой грех». Когда казначей спросил старца, кто он, старец ответил: «Я хозяин этой обители». И действительно через пять дней болеющий иеромонах, бывший предметом посмения, скончался.

XXIII.

Вдова диакона Пашина, урожденная Орловская, несколько лет страдала болезнью груди, много издержала средств на лечение, но не получила никакого облегчения. В одно время ночью она услышала голос: «Призываи на помощь пр. Герасима Болдинского и получишь исцеление». Пашина до сего времени даже не знала о существовании такого угодника, почему, приехав в Вязьму, она спросила, где почивает пр. Герасим Болдинский. Ей дали нужный ответ. Она стала чаще и чаще призывать в своих молитвах пр. Герасима и постепенно оправилась от своей болезни. 12 января 1876 года она прибыла в Болдин монастырь принести благодарение угоднику за оказанное ей благодеяние и сообщила братии о бывшем с ней чуде. Через год в обитель приехал брат исцеленной, священник села Данилович Ельниковского уезда Иоанн Орловский, принес

благодарение Господу и его угоднику за исцеление сестры и снова засвидетельствовал действительность чуда, совершенного над его сестрой, Пашиной.

XXIV.

Дворянка Рославльского уезда, Варвара Яковлевна Дурова, страдала очень долгое время расслаблением всего тела и никто из врачей не мог оказать ей помощи. Испробовав все медицинские средства, она обратилась с молитвой к Единому Врачу душ и телес - Богу и просила вразумить ее, кого из святых ей нужно призывать в молитвах, чтобы получить исцеление. Однажды, находясь в забытьи, она услышала голос: «Преподобного Герасима проси». Никогда не слыхав о преподобном Герасиме, Болдинском чудотворце, она думала, что ей указано призывать в молитвах Герасима, иже на Иордани. Но одна из девушек, ходившая за больной, сказала, что в Болдином монастыре почивают мощи тоже пр. Герасима, который именуется Болдинским чудотворцем. По устроению Божию, на другой день после этого разговора, больную посетила одна помещица, ехавшая из Болдина и имевшая при себе икону преподобного Герасима. Болящая попросила приходского священника совершить молебен пред иконой Преподобного, привезенной помещицей, и после этого стала заметно поправляться. Через две недели Варвара Дурова имела настолько сил, чтобы приехать в Болдин монастырь и принести благодарение угоднику Божию за совершенное исцеление от болезни. В память своего исцеления она пожертвовала к раке Преподобного дорогую серебряную лампаду с позолотой. Это чудо было совершено св.

Герасимом в 1871 году. Впоследствии Дурова в Смоленском Вознесенском монастыре приняла монашество с именем Марии.

Здесь мы закончим сказания о чудесах, совершенных пр. Герасимом. Исчислить и описать все было бы трудно и едва ли возможно по их многочисленности. Изложены только те, свидетелями которых были иноки Болдиной обители или те, о которых возвестили испытавшие их; бесчисленное же множество других осталось втайне от мира. За время, прошедшее со времен угодника до настоящих дней, силу его чудесного влияния испытывало на себе множество людей. Царь и его советники, бояре и простолюдины, иноки и послушники, горожане и поселяне, воры и разбойники, нищие и странники, все так или иначе пленялись этой силой. Люди всех сословий, возрастов, того и другого пола чувствовали на себе неотразимую мощь и небесное величие подвижника, когда устремляли на него взоры.

Где же источник и корень той таинственной непостижимой власти, которую приобретают над душами верующих сам угодник при жизни и его мощи по смерти? Ответ на это дает пророк и псалмопевец Давид в следующих словах: Ты, Господи, благословиши праведника, вси уповающие на Тя в век возрадуются и вселившиеся в них (Пс. V, 12 - 13).